

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ

ПУТЬ К ПОРОГУ

Антон Корнилов
Роман Валерьевич Злотников
Путь к Порогу
Серия «Рыцари Порога», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647925

*Злотников Р. В., Корнилов А. Путь к Порогу: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0612-8*

Аннотация

Века и века тому назад отгремела Великая Война. Там, где потоки крови впитала опаленная земля, поднялись королевства людей. И воцарился мир. Гномы в подземных мастерских куют металл, совершенствуя извечное свое ремесло, в безлюдных пустошах дикие огры охотятся на песчаных волков, а в тайных Лесных Чертогах хранит древние знания Высокий Народ. Но есть места, где привычный мир дает трещины, и эти трещины кровоточат ордами тварей из иных, чуждых миров, которым нет названия на человеческих языках. Жуткие эти места зовутся – Пороги. Они были всегда, эти Пороги. И были всегда те, кто свято выполнял долг, защищая Человека от Твари. Имя им – рыцари Порога.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	51
Глава 3	78
Часть вторая	106
Глава 1	106
Глава 2	121
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Роман Злотников, Антон Корнилов Путь к Порогу

Часть первая Дым над городом

Глава 1

– Так я ж говорю,– навалившись на стол продранными локтями, прохрипел мужичок с головой безволосой и желтой, как репка,– городок наш так называется – Мари. А ты – баба, баба... Понимать надо! – наставительно добавил он и постучал грязным кулаком по своей «репке».

– А я и понимаю,– не стал спорить парень, долговязый, костлявый и рыжеволосый, по виду – откуда-то с самого Запада.– Чего ж тут не понять! Ты закусывай давай, а то уже хорош...

– Хорош,– приняв упрек за похвалу, самодовольно повторил репоголовый и икнул так сильно, что стол, за которым они сидели, подпрыгнул, громыхнув всеми кружками, мис-

ками и кувшинами.— Я б закусил, так это... кончилось оно... — Он демонстративно опрокинул вверх дном свою кружку и с презрением глянул в миску с огурцами.— Нечего закусы-вать... Мы ж не пожрать тут собрались.

Рыжеволосый парень свистнул, подзывая трактирного служку, копошившегося под стойкой. И, ожидая его появления, в который раз быстро и цепко оглядел зал. Время для выпивки еще не настало, и трактир был почти пуст. Несколько местных забулдыг уныло гундели над своими кружками. Вторя их бессмысленной беседе, под потолком жужжали жирные мухи. На улице колыхалась удушливая вечерняя жара, как и всегда в разгаре лета на Юге, и в зале трактира, несмотря на открытые окна, было душно и полутемно. Ни одного светильника еще не зажигали.

Парень перевел взгляд на пьянчужку, с которым вот уже, наверное, час вел разговор.

Репоголовый, расслабленно икая, тоже разглядывал собеседника. И того, кто сидел рядом с ним. Был бы мужичок трезвее, парочка вызвала у него, скорее всего, тревогу или, по крайней мере, недоумение. Но сейчас, в состоянии крепкого подпития, ему, очевидно, было просто-напросто наплевать на все, кроме того, что эти ребята платят за его выпивку.

Парня с красно-рыжими волосами, стянутыми на затылке в тугой пучок, сложно было причислить к какому-либо сословию. Одет как обычный путешественник: простая кожаная куртка, с капюшоном на случай дождя, крепкие штаны,

заправленные в короткие сапоги, пояс со множеством висящих на нем мешочков и узелков. Но ни оружия, ни сумки на нем не наблюдалось, зато обращало на себя внимание обилие дешевых аляповато-ярких амулетов, браслетов, да еще истрепанный длиннющий красный шарф, обмотанный вокруг тощей шеи, и непонятный инструмент в черном холщовом футляре, висящий на перевязи за спиной.

А вот с его спутником все было ясно с первого взгляда. Мощное тело, почти вдвое больше человеческого, покрытое серой кожей, настолько прочной, что ей нестрашен был прямой удар ножа, зеленоватые волосы, клочками торчащие на бочкообразной груди, здоровенных плечах и башке, похожей на громадный булыжник, отсутствие бровей, сплюснутый крошечный носик и уши, размером и формой напоминающие крылья нетопыря,— все это могло принадлежать только чистокровному огру. Одет он был, как и подобает существам его племени, лишь в короткие штаны, подпоясанные широким ремнем, на котором висели грубый нож без ножен и двойной топор с короткой рукоятью. Его широченную шею плотно облегал кожаный ошейник с металлическими заклепками-шипам, говоривший о том, что если когда-то огр и был свободным, то теперь полностью и безоговорочно принадлежит долговязому парню.

Вообще, огры плоховато ладили с людьми, равно как и люди с ограми. Последние жили разобщенными племенами и изредка выходили к людям исключительно по торгово-мено-

вым вопросам. Положение изменялось, если племени выпадал голодный год. Огры меняли либо место охоты, либо ее объект. И тогда людям, проживающим неподалеку от стойбища племени, приходилось туговато. Дикарские налеты заканчивались обычно одним и тем же: дворянин, люди из владений которого обретали бесславный конец в желудках голодных огров, собирал войско и вырезал племя подчистую.

Иногда, правда, старейшина племени принимал иное, более цивилизованное решение, а именно продавал кое-кого из своих братьев в вечное рабство, принимая в плату еду и оружие. И уж тогда огр-раб обязан был служить своему господину беспрекословно, ибо свято верил, что суровые духи избрали его для жертвы во имя жизни сородичей.

Если рыжеволосый трещал без умолку, затыкаясь только тогда, когда начинал говорить репоголовый пьянчужка, и с удовольствием прихлебывал сладкое местное пиво, то огр угрюмо молчал и к кружке не притрагивался, хотя время от времени опускал в нее взгляд, в котором ясно читалось тоскливое вожеление. Огры обычно с большим трудом овладевали человеческими языками, а спиртное им было запрещено продавать законом королевства Гаэлон, ибо, несмотря на исполинские габариты, пьянели огры быстро, а окосев, теряли те крохи разума, что теплились в их камнеподобных головах.

Служка – обычный южанин, темноволосый и низкорослый – соизволил наконец приволочь за столик еще пару кру-

жек.

– Я говорю, Мари – это так городок наш называется, – оживился репоголовый, хлебнув пива. – Название, конечно, того... – Он хихикнул. – Так ведь как оно дело было. Раньше тут деревенька стояла захудалая, ею граф Конрад владел. Знаете, конечно, кто ж нашего графа не знает!..

– Еще бы, – с готовностью кивнул парень.

– А у Конрада при дворе живо... ну этот... пись... малюет который картинки всякие...

– Живописец.

– Я ж так и сказал. Господин Сули – так его имя. Умнейший человек и первый собутыльник графа. Вот когда лет десять назад графиня-то померла, его сиятельство затосковали. Вызвал он господина Сули и говорит: хочу, мол, фигуру каменную своей покойной супруги в спальне иметь. А Сули заартачился. Я, грит, только картинки малевать мастер, а фигуры делать не умею. Но... графское слово есть графское слово, и десять золотых гаэлонов есть десять золотых гаэлонов. Согласился то есть. Только сначала он из глины фигуру вылепил... Его сиятельство посмотрели, носом покрутили и сказали, что ни монетки медной господин Сули не получит, потому как на графиню фигура непохожа. С мерином, на котором навоз из конюшни возили, как люди сказывали, сходство было, а на покойницу – ну, ни капельки... Вот так. Господин Сули в мастерской обижается, а его сиятельство в своих покоях нервы успокаивает. Порознь, значит. Хотя утеше-

ние им из одного погребца таскали. Из винного то есть. Так до ночи и утешались. К ночи у господина Сули обида выиграла – старался же! Взял он остатки глины и вылепил огромные усы и огромные... эти самые... который тоже только у мужиков могут быть. И присобачил все это дело на фигуру. А тут его сиятельство графа Конрада, который передумал и решил фигуру взять, вносят... Ну было дело!..

В таверну, скрипя старыми кожаными куртками, пришедшими в такое состояние, что не подходили графской дружине даже в качестве учебных и потому их передали городской страже, вошли трое стражников. Огр, до сих пор сидевший неподвижно, словно осколок скалы, тихо зарычал и оскалил желтые клыки. Рыжий, стрельнув на стражников быстрыми лисьими глазами, ощутимо толкнул его локтем в бок. Огр успокоился, только башку держал теперь повернутой к трем вооруженным людям.

Стражникам парочка тоже явно не понравилась. Они уселись за соседний стол, не выпуская из рук алебарды, и в ожидании служки хмуро осматривали чужаков.

Городок Мари лежал в плодородной равнине, перепоясанной юркими и светлыми речушками, с одной стороны защищенной густыми и шумными лесами, где, говорят, и по сию пору можно встретить осторожного эльфа-одиначку, а с другой – Железными горами, в которых копошатся гномы, занимаясь исконным ремеслом. Люди в этой долине живут темноволосые и большеглазые, как и везде на Юге. Высокорос-

лого тут редко встретишь, все больше низенькие и коренастые. Поговаривают, что такие антропометрические особенности обусловлены близким соседством с гномьими поселениями, но это, конечно, досужие сплетни! Хотя... мало ли что может произойти, если на предгорной тропке случайно встретятся зеленая девчонка, забредшая в глушь за дурной козой, и юный мускулистый коротышка, собирающий хворост для розжига печей. Все-таки здесь люди с местными гномами не враждуют. Они вообще предпочитают всякого рода вражде проводить время в труде и веселье и помирать в собственных постелях.

Мир царит в счастливом королевстве Гаэлон, от Юга до Севера, от Запада до Востока. Последняя война с соседним королевством – Марборн – закончилась аж двести лет назад. С тех пор жители Гаэлона и знать не знают, что такое смерть и ужас настоящего большого кровопролития. А от Великой Войны, кипевшей во многих королевствах тысячелетия назад, остались лишь легенды. И редко что ужасного случается в городке и долине: ну разве забредет банда голодных огров или соседский барон решит пополнить казну неожиданным налетом, а то объявится из далекого черного леса одичалая ведьма. Ну или еще какая напасть придет извне. Потому-то в городках, подобных Мари, чужакам не очень рады.

– ...а как его сиятельство трость свою фамильную о голову господина Сули сломали, так велели его в свинарник на цепь посадить. Месяца два Сули там отвалился, потом граф,

конечно, оттаял... — не замечая появления в трактире новых лиц, продолжал заливать репоголовый забулдыга.— А как раз в деревеньке, которая на этом месте стояла, где теперь наш город, староста — поохотиться он любил — задумал полакомиться троллями ушками и отправился за Железные горы. Но по дороге заблудился, отбился от товарищей, и получилось наоборот — тролль схавал самого старосту вместе с ушками и всем прочим. Вот его сиятельство на место старосты своего бывшего собутыльника и двинули. Деньжищ ему отвалили еще и людей дали. Так городок вырос. А название ему граф велел дать в честь имени покойной графини. И фигуру — только не ту, а такую же, но больше раза в три, из камня сделанную, на Алой площади поставить. Господин Сули и по сей день наш городской голова. Вот как господа... Заезжие люди завсегда этой историей интересуются. Потому как необычно и любопытно...

— Эй, Гас! — окликнул пьянчужку один из стражников, которым уже принесли пиво.— Успел нализаться, что ли? Не тебе в караул ночью идти?

— Так то ж ночью,— хихикнул мужичок.— До ночи я отоплюсь. До ночи еще о-го-го сколько! Мне ж ночью еще силы понадобятся...

— Отребье! — буркнул стражник, погружая в кружку усы. Обращался он к репоголовому, а сам смотрел на чужаков. Огр снова тихонько зарычал, а рыжий, опять толкнув его локтем, моментально схватил ситуацию.

— Прощу нас простить, господа, это наша с Ххаром вина,— проговорил он, церемонно приподнявшись.— Жаркий сегодня вечер, вот мы и решили пропустить по кружечке, а господин Гас любезно развлек нас беседой.

— Да! — подбоченился репоголовый, видимо, гордый оттого, что его называли господином.— Любезно! Господа не местные, им любопытно...

— Нам тоже,— включился в разговор второй стражник.— Откуда это вы такие красивые и куда?

— Да можно сказать: ниоткуда и никуда,— весело откликнулся рыжий.— Меня зовут Корнелий, я менестрель.— Парень указал на футляр за своей спиной.— Странствую, слушаю истории, сочиняю песни. А это,— предупредил он следующий вопрос, хлопнув огра по плечу,— мой... мм... товарищ. Ято не воин, а на дорогах с одиноким путником всякое может случиться. Я его в кости выиграл. Не желаете, господа, по кружке? Что-то у меня сегодня очень хорошее настроение. Видать, отличная ночью выйдет песня про город с именем Мари!

Стражники переглянулись. Речь рыжего Корнелия, очевидно, показалась им убедительной.

— Можно,— сказал один из них.— А твой... э-э-э... товарищ, он не это самое? Ничего такого не подумай,— проговорил он, повернувшись уже к огру,— но я первый раз вижу такого, как ты, так близко и... э-э-э...

— Без цепей,— завершил за него Корнелий.— Не беспокой-

ся, Ххар очень добрый малый. Он и мухи не обидит... Без моего на то позволения.

Огр не изменил выражения морды, так что осталось неясным – понял он высказывание стражника или нет.

– Так как насчет кружечки пива? – повторил Корнелий.

– Если только по одной, – проворчал второй стражник, – мы-то пока на службе... – И покосился на уже изрядно помутневшего Гаса.

– А что, – махнув рукой службе, тут же осведомился Корнелий, – господин Гас тоже состоит в городской страже?

Стражники дружно заржали. Тот, заговоривший с чужаками первым, с мокрыми от пива усами, собрал и отнес в угол алебарды.

– Не в стра... страже.. – пытаюсь сидеть на лавке прямо, произнес Гас. – Я в ночном карауле. По указу господина Сули каждую ночь пятеро горожан обязаны охранять город. Раз в неделю жребий бросаем. Городская-то стража, которая жалование получает, ночами на сторожевых вышках отсыпается.

– Не отсыпается, пень ты трухлявый! – рывкнул мокросый, вернувшись за стол. – А ведет наблюдение за подступами к городу! А такие, как ты, тюфяки с гнилыми дубинками по кабакам да харчевням разгуливают! Ночной караул!.. Так и ждете, чтоб от жен сбежать и всю ночь шататься с пивом да песнями.

– Кто тюфяк?! – обиделся Гас и завращал головой, слов-

но в поисках достойного аргумента.— Да у нас такие люди в нынешнем карауле! Кузнец Соб! Этот и без дубинки любого вора надвое переломит! А вон! — ткнул он пальцем в окно.— Старый Гур, видите, идет? Сюда, между прочим. Тоже, наверное, горло промочить. Ты и этому достойному человеку скажешь, что он пьяница?

— Заткнулся бы да спать шел,— сказал Гасу один из стражников с широким добродушным лицом.— А про Гура никто в городе ничего плохого не скажет. Гончар это наш,— пояснил он, обращаясь уже к Корнелию.— Мастер хоть куда. Вон из того окна его дом виден. Смотрите, господин, на крышу смотрите! Вы еще где-нибудь такую крышу видели? Крыша у него такая, какой крыши во всем городе нет. Старый Гур, он гончар, сам черепицу лепил и обжигал. Сам и крышу выкладывал — черепичка к черепичке. Одна из красной глины, другая из белой, одна из красной, другая из белой — как красиво получилось!

— Великолепно! — с готовностью восхитился Корнелий.— Таковую красоту даже в Дарбионе редко встретишь.

— А ты что же,— недоверчиво проговорил мокроусый, принимая от служки новую порцию пива,— в самом Дарбионе бывал? Столице нашего королевства? Может, скажешь, государя самого видал?

— Скажу больше,— улыбнулся Корнелий.— Государю нашему, светonosному Ганелону, мне выпала честь исполнить одну из моих лучших песен!

В трактир вошел старик, ведя за руку мальчика. Был старик высок и прям, волосы его, еще довольно густые, длинными прядями вились до плеч, а суровое мужественное лицо подошло бы скорее воину, чем гончару. Словом, старик принадлежал к той породе мужчин, на которых неизменно оглядываются женщины на улице. Мальчику, по всей видимости, было не больше девяти лет, и он очень походил на старика. Разве что волосы его были темны и коротко острижены, а лицо смягчено наивностью детства. У пояса его на веревочной перевязи висел деревянный меч.

– Гур-р-р! – заорал Гас, замахал руками и от избытка чувств рухнул с лавки.

Старик оглянулся на него, коротко усмехнулся, кивнул в знак приветствия, отдельно – стражникам. Потом задержал взгляд на чужаках, но ровно настолько это позволяли приличия, и кивнул отдельно каждому занятому столику. Затем Гур направился прямо к прилавку трактира, где маячил трактирщик – низкорослый и толстый мужик с пухлым и лоснящимся, как потекшее масло, лицом. Увидев старика, трактирщик моментально скуксился и попытался нырнуть под прилавок.

– Господин Горн! – Голос у старика оказался под стать его виду – низким и внушительным. – Позвольте мне закончить наш вчерашний разговор.

– Во, – высказался добродушный стражник. – Не пиво лавать старый Гур пришел, а с жирным Горном разговоры раз-

говаривать. Тот, вишь... — он обращался к внимательному Корнелию, который уже пересел за их столик,— тот, вишь как, купил три десятка кружек у Гура, а монеты отдал только половину. А надысь здесь мужики гуляли, ну и, как водится, кружки-то поколотили. Не все, а пяток. Трактирщик теперь за эти пять платить не желает. Говорит, мол, значит, так сделаны плохо, что разбились. Ну ничего, заплатит он деньги, я Гура знаю.

— А этот Горн толстозадый не раз за свою скупость двойной монетой платил,— добавил другой стражник.— Помните, братцы... — Он прервался, захрюкав от сдерживаемого смеха.— Помните... Арарна?

— Арарн-ведьмак трактирщику шишку вывел на шее,— под общий хохот объяснил менестрелю добродушный стражник.— У Горна шишка вдруг вздулась, огромная такая. Он ее и так, и этак, и прижигал даже — ни в какую, только растет. Ибир-травник не смог помочь. Пришлось к Арарну идти. Тот дорого берет, потому что знахарством не занимается, он, вообще-то серьезный мужик, правда, вспыльчивый очень. Его из Сферы Огня выперли за то, что он там кому-то не тому потроха прижиг. Ну вспыльчивый, говорю же... Пошептал Арарн, шишка перестала расти. И за две недели обратно в шею ушла. Время платить, а трактирщик, как всегда, отмахивается. Мол, шишка сама собой убралась. Арарн поначалу подмастерьев подсылал, а тут сам явился: «Плати!» Горн: «Не буду!» Нашел с кем связываться. Ну ведьмак и

рассердился. Снова пошептал, и шишка еще пуще вздулась. Прямо как вторая башка вымахала! Да еще с глазами и пастью. А пасть огнем пышет и ругается такими погаными словами, что слушать невозможно. Горн с месяц из дома выйти не мог. Потом послал Арарну денег, да в два раза больше, чтобы тот заклятие снял...

Старик воздвигся у прилавка так прочно, что сразу было видно: пока своего не получит, с места не сойдет. А мальчик во все глаза уставился на огра, одиноко возвышавшегося за столом, из-под которого, словно пар от бурлящего котла, поднимался густой храп господина Гаса.

Трактир постепенно наполнялся народом. Ремесленники, зашедшие освежиться после долгого трудового дня, весело галдя, рассаживались за столиками. Сапожники, распрямляя спины, онемевшие от долгого сидения в скрюченной позе, вытягивали под столы босые ноги (по местному обычаю, мастера сапожного дела и их подмастерья имели право надевать обувь только в холодное время года). Портные щурились уставшими от слежения за стежками покрасневшими глазами, выглядывая среди посетителей знакомых и друзей. Торговцы с рынка, расположенного близ трактира: зеленщики, рыбники, мясники, молочники и другие, сдав выручку хозяевам лавок, охрипшими за день голосами делились друг с другом последними базарными новостями.

Пара гномов, одетых в пухлые куртки (вечно эти гномы даже и летом одеваются, как зимой, потому что привыкли

мерзнуть в своих подземельях), полосатые штаны и запыленные дорожные сапоги, сваливали под стол тяжелые мешки. Гномы, наторговавшие за свои изделия продуктов и одежды, задержатся здесь ненадолго. Выпьют пару кружек, возьмут с собой мех-другой крепкого самогона (вино и сладкое пиво местные гномы презируют за низкую концентрацию алкоголя) и отвалят в свой Грандхур – подземное поселение, расположенное неподалеку от Мари.

Гномы важно кивали направо и налево массивными бородами головами, приветствуя знакомых, но уселись вместе, за один угловой столик, не мешаясь с людьми. Никто из горожан дурного слова никогда гномам не скажет, но все равно маленький народец держится особняком. Это все гнилая отрыжка той самой Великой Войны, на которой гномы сражались не на стороне людей. Не по своей, конечно, воле, но все-таки...

Прошло то время, когда подземные карлики гордо носили свои здоровенные топоры с двойными лезвиями. По окончании Великой Войны гномам строжайше запрещено иметь оружие, – а каково это выносить когда-то воинственному народу? Говорят, в своих пещерах они еще устраивают поединки и даже большие турниры, но это же не проверишь. А ведь их едва не истребили полностью после той Войны. Но вовремя спохватились: подземный народец обладал особой магией, позволявшей им ковать металл крепости, равной которой люди выковать никогда не могли. Магия Крови – так назы-

вают эту магию люди, потому что правильное название не выговорит человек, даже хорошо знающий гномьи наречия, — язык сломает. Мечи, топоры и боевые ножи, например, выкованные гномами, ни в какое сравнение не идут с оружием, изготовленным людьми. Правда, и стоят они столько, что позволить их себе могут только дворяне, да и то не все. Конечно, металлические изделия, не предназначенные для войны, гномы продают гораздо дешевле, так ведь и куют их без помощи своей магии. Магия Крови — только для оружия...

Служка, позевывая, зажигал масляные светильники на стенах, реагируя на призывы новых посетителей вялыми и невнимательными кивками: мол, подождите, пока закончу, разорались, нечего тут... Явился второй служка и принялся наконец разносить кружки по столикам. Этот оказался более расторопным — его жизненной энергии хватало не только на то, чтобы позевывать, переставляя ноги, но еще и почесываться.

В проемах окон одна за другой появлялись разгоряченные любопытством мальчишеские физиономии. Объектом их пристального изучения был, несомненно, огр, все так же в одиночестве сидевший за столиком. Двое пацанов — один низенький, толстый и круглощекий, второй костистый и смуглый — осмелились даже войти в помещение и стать у порога в позах, ясно показывающих: чуть только огр повернет в их сторону клыкастую морду, они сразу зададут стрекача. На поясах у этих двоих болтались такие же деревянные мечи,

как и у мальчика, пришедшего с гончаром.

Серокожий гигант не обращал на малолетних соглядатаев никакого внимания. Он, откровенно говоря, ни на что не обращал внимания, лишь изредка вожаденно шевелил ноздрями, когда служка проносил мимо него кувшин или кружку с пивом. Мальчик, пришедший со стариком-гончаром, присоединился к парочке у порога. Сам старый Гур, ухватив трактирщика за ворот костистыми пальцами, втолковывал ему что-то, почти неслышное во все возрастающем гаме. И тут шум прорезал ясный, чистый и громкий струнный перебор. Это менестрель извлек из чехла свой инструмент, отодвинулся на лавке подальше от стола и, не дожидаясь, пока трактир стихнет окончательно, звонко прокричал:

– Вниманию почтеннейших горожан! Известная во всем славном королевстве Гаэлон баллада о Рыжей Марте...

Конец реплики потонул в восторженных воплях и гоготе – видимо, баллада и вправду была широко известна. Только старый гончар недовольно поморщился и, на минуту отвернувшись от Горна, громко произнес:

– А более пристойного произведения у тебя нет, менестрель? Здесь, между прочим, дети!

– Угомонись, папаша! – оглянувшись на гогочущих стражников, пьяно сощурился рыжий Корнелий. – Народ желает веселья. А недоросткам явно пора разбежаться по постелям.

– Рыжая Марта! – орали за столиками. – Давай балладу! – И Гуру пришлось, передернув, плечами, прекратить разго-

вор. Он только процедил сквозь зубы:

– Проклятый пустозвон... – и махнул рукой мальчику, повернувшись на его голос. Тот недовольно вздохнул, но все же подчинился. Вместе с ним покинули трактир и двое его приятелей. Впрочем, тут же их физиономии появились в раскрытом окне.

– «Подобна тыквам гру-у-удь ее!..»– ударив по струнам, завел рыжий менестрель свою балладу.

* * *

– Он что, так и сидит там весь день? – спросил Перси, не отрывая взгляда от громадной серой спины.

– Когда мы с дедушкой пришли туда, сидел,– сказал Кай.

– И ни разу не пошевелился? – поинтересовался Бин.

– Ну... можно сказать, ни разу,– подтвердил Кай.– Видал? Настоящий огр!

– Разве славные рыцари допустят, чтобы свирепый огр угрожал людям? – послышался позади троицы издевательский голос.– Чего ж вы не достанете свои деревяшки и не треснете его по башке?

Все трое одновременно обернулись. Позади них стоял Аскол, сын рыбака Харла, одного из самых богатых горожан. На прыщавом лице парнишки уже пробивались реденькие усы. Для вечерней прогулки Аскол вырядился шикарно: поверх домотканой рубахи накинул кожаную куртку со шну-

ровкой, на голову нацепил берет из самого настоящего красного бархата, а на ноги – высокие сапоги с посеребренными пряжками. Словом, не хватало еще длинного плаща и меча в узорных ножнах – и любая кухарка впотьмах легко приняла бы сына рыбника за молодого аристократа, вышедшего глотнуть вечернего воздуха. Тем более что для прогулки Аскол обзавелся не только нарядом, но и свитой. Четверо мальчишек, каждый из которых был младше сына рыбника года на три, переговаривались за его спиной.

– Больно надо, – буркнул Кай. – Сам подойди и тресни, если хочешь.

– Обращаясь ко мне, изволь говорить: господин, – оттопырив нижнюю губу изрек Аскол, и его свита радостно заржала. Хихикнул и кое-кто из тех пацанов, что вроде Бина, Перси и Кая созерцали огра через окна трактира.

– Не дорос еще, – ответил Кай.

– Чего-о? – угрожающе протянул Аскол.

Трое с деревянными мечами стали плечом к плечу. Пацаны понемногу отлипали от окон. Кажется, готовилось зрелище поинтереснее неподвижного и все время молчащего огра. Кто еще не был в курсе, тому быстренько объяснили: только вчера Аскол и пара его прихлебателей отколотили Перси, отобрав у того деревянный меч. Подобный случай был далеко не первый. Аскол с компанией вечно кого-нибудь колотили, причем мальчишкам из неразлучной троицы доставалось больше и чаще других. Но в это утро случилось такое, чего

никогда раньше не бывало: Бин с Каем подкараулили Аскола одного. Так никто и не узнал, что произошло, но кое-кто видел сына рыбака, во весь дух бегущего по направлению к собственному дому. Сам Аскол ситуации не прояснял. Ну бежал и бежал. Мало ли почему люди бегают по улицам, может, на то надобность какая была, спешил, может быть.

— Значит, забыл,— с каким-то зловещим удовлетворением проговорил Аскол.— Значит, все забыл! Ничего, придется на-помнить... вшивота голодная!

Распахнув куртку, сын рыбака медленно потянул руку за пояс. Все смотрели только на него, и мало кто заметил, что Кай в этот момент, напрягшись как струна, ступил чуть вперед, а Бин и Перси, на шаг отступив за его спину, прижались к стене трактира.

Аскол достал трубку. Самую настоящую глиняную трубку и маленький кожаный мешочек с табаком. Действуя с неумелой небрежностью, но не забывая тем не менее изредка опасно оглядываться на дверь трактира, он принялся набивать трубку табаком. Тут только Кай осторожно выдохнул. Надо было сразу догадаться, что не посмеет Аскол затевать драку в людном месте, да еще когда они — втроем — стоят плечом к плечу.

Теперь уже — не посмеет.

Грохнула дверь трактира. Аскол вздрогнул, но это были всего лишь гномы, которым до шалостей человеческих детей никакого дела не было. Кряхтя, выползли они, нагруженные

мешками и мехами с самогоном, и, негромко переговариваясь на своем каркающем языке, отправились вдоль по улице.

Сын рыбака, на которого окружающая детвора смотрела завистливо и с почтением, зачмокал губами, раскуривая трубку, а когда из нее повалили клубы серого дыма, вдруг так закашлялся, выпучив глаза, что его щегольский берет съехал на затылок. Аскол, хрипя и всхлипывая, успел натянуть берет обратно, так что, наверное, мало кто заметил на его лбу недавнюю ссадину.

– Табак дерьмовый, – прохрипел, вытирая слезы, Аскол и, спрятав трубку, отвесил одному из своей свиты пинок. – Ты что мне припер? Говорил же, бери что получше! Ладно, – выпрямившись, сказал он. – Чего тут смотреть? Огра, что ли, не видали?

Вообще-то, скорее всего, никто из присутствующих не видел еще так близко настоящего огра, но с Асколом как-то быстро все согласились: чего там смотреть, подумаешь, экая невидаль!..

– Сегодня Арарн-ведьмак своего подмастерья наказывать будет, – вытерев слезы, объявил Аскол. На Кая и его друзей он больше не смотрел. – Этот дурачок порошки смешивал, да чихнул не вовремя. Себе волосы на башке спалил и какие-то свитки пожег, что на столе были. Арарн его плетью отчесал для начала, а вечером, сказал, серьезный разговор будет. Это ихняя кухарка нашей кухарке проболталась.

– Ослиные уши ему замастрячит, – восторженно хихикнул

кто-то из свиты.— Или пороссячий хвост! Или еще чего уду-
мает.

— Арапн окна никогда не закрывает,— сказал Аскол.— По-
тому от его порошков дух такой идет, что помереть можно.
Айда поглядим!

Предложение было заманчивым, и мальчишки, несколько
минут назад глазевшие на огра, присоединились к свите Ас-
кола.

— А вы куда? — скривил губы сын рыбника на Кая и его
приятелей, хотя ни один из них не сдвинулся с места.— Вы,
слышь, со своими деревяшками играйтесь или пирожки из
грязи лепите, мелкота! Рыцари помойные...

Кай сцепил зубы, сдержав резкий ответ. Бин и Перси тоже
промолчали. Когда процессия во главе с Асколом скрылась
из вида, Бин вдруг освобожденно рассмеялся:

— Видали? Сколько их было! А он даже не рыпнулся!

— А я уж думал — все,— тоже с улыбкой вздохнул Перси.—
Сейчас отколотят так, что рук-ног не соберем. Теперь кон-
чено, Кай, как ты его треснул по тыкве, так он и отстал от
нас. Все, отстал!

— Не-а, не отстал,— серьезно проговорил Кай, у которого
дрожь в коленях только еще начала проходить.— Это он при
всех связываться не решил. А если бы...

Он повернулся к окну и вдруг вскрикнул, ударив себя по
коленке:

— Смотрите, огр передвинулся! С этим Асколом, чтоб его

хапуны задрали, мы его чуть не упустили!

Бин и Перси снова налегли грудью на подоконник.

– Передвинулся? – озадаченно переспросил Бин. – По-моему, где сидел, там и сидит.

– Передвинулся, – убежденно повторил Кай. – И голову наклонил.

– Он уже сколько сидит! – заметил Перси. – Он хоть и огр, но не изваяние. Должен же когда-нибудь пошевелиться.

– Вот именно! – притопнул ногой Кай. – Сидит и сидит. Один! А зачем?

– На нем ошейник, – сказал Бин. – Значит, не дикий.

– Ошейник? А где его хозяин?

– Ну может быть, вон...

– Слушайте, – глаза Кая загорелись, – а если нет никакого хозяина? Если он сам нацепил на себя ошейник, чтобы все думали, что он не дикий? А все и думают! Вон стражники сидят и нисколько не беспокоятся. Песни орут и ржут, пьяные. А он... ждет!

– Чего? – спросил Бин, и Перси взглядом дал понять, что присоединяется к вопросу.

– Чего... – помедлил Кай. – А то непонятно? Выбрать момент и сожрать кого-нибудь! Вы когда-нибудь где-нибудь от кого-нибудь слышали о добром огре? Они же все дикари, головорезы и людоеды! Как хотите, а я...

Тут дверь трактира распахнулась, и Кай, пригнувшись, юркнул за угол. За ним последовали Бин и Перси.

На улице показался старый Гур. Недовольно бурча себе под нос, он волок за шиворот совершенно пьяного Гаса, который едва переставлял ноги, но тем не менее воинственно размахивал руками и орал непотребный вздор:

— Ночной кар-раул! Ур-ра!.. Где моя дубинка?! Ее гру-у-у-дь подобна ты-ы-ы-ыквам!.. Дайте мне како... какого-нибудь воришку, я его в землю вколочу по самую маковку! Кто пьяный?.. Да я такой трезвый, что любого пьяного переплюну!..

Когда они скрылись, мальчишки снова вернулись к окну.

— Как хотите,— продолжил Кай,— а я хоть до утра буду за ним следить.

— И мы,— поспешил заверить Бин.

— А когда,— сглотнув, заговорил Перси,— когда он... ну это... выйдет из трактира, что мы... Что нам то есть?.. Он вон какой, а мы...

— А я уже все придумал,— возбужденно начал Кай.— Как только он выходит, незаметно идем за ним следом. И если увидим, что он уже выбрал жертву,— прыгаем на него! Главное — орать погромче, чтобы сбить его с толку! И лупим мечами! Он выпускает жертву и бежит за нами...

Толстый Перси охнул. Кай запнулся, поглядев на него.

— Мы с Бином бежим,— пояснил он.— А ты пойдешь следом, чтобы огр тебя не видел, и в случае чего позовешь стражников.

Перси облегченно выдохнул. Тогда Бин осторожно потянул Кая за рукав.

– Я это... – басом проговорил он.— Тоже... не очень хорошо бегаю. И в потемках вижу плохо, ты же знаешь. Как споткнусь, да как навернусь...

– Ладно,— махнул рукой Кай, ему не терпелось закончить мысль.— Оба идете так, чтобы огр вас не видел. Оба бежите за стражей.

Перси и Бин переглянулись.

– А когда чудище кинется за нами... то есть за мной... я бегу к рынку. За рынок, где Дерьмовая Дыра. И... Понимаете?

– Э-э... – сказал Перси.

– Не понимаем,— уточнил Бин.

– Вы что, не знаете, что такое Дерьмовая Дыра?

– Знаем,— в один голос ответили Бин и Перси.

Еще бы они не знали! Каждый горожанин знал, что такое Дерьмовая Дыра. Она была такой же достопримечательностью Мари, как Алая площадь, названная так, потому что выкладывали ее редким минералом, который гномы называли «алая голова»,— круглыми и гладкими камнями, матово отливающими на солнце. Такой же, как несуразная статуя покойной графини на этой самой площади, и... Пожалуй, больше достопримечательностей в городке Мари не было. Дерьмовой Дырой пугали малых детей: «Не будешь маменьку с папенькой слушаться, придет страшный тролль и отволочет тебя в Дерьмовую Дыру!»

Дырой называли глубокий овраг на пустыре неподалеку от

рынка, в который торговцы год за годом сбрасывали мусор. За долгое время гниющая дрянь, заполнившая овраг, превратилась в однородную вязкую массу, на поверхности кое-когда вздувались и оглушительно лопались огромные пузыри – результат процессов разложения того, что в зловонных недрах Дыры еще могло разлагаться. Взрослые там не появлялись, кроме случаев, когда надобилось вылить в Дыру очередную лохань помоев, а вот отчаянные мальчишки, доказывая друг перед другом храбрость, придумали опасную игру – перебегать овраг от края до края по вязкой вонючей поверхности. Надо было бежать, как ветер и, упаси Светоносный, не поскользнуться – а то затянет на самое дно, как не один раз затягивало неосторожных городских коз и свиней.

– Ну? – сиял Кай. – Понимаете? Я перебегу Дерьмовую Дыру, а огр – он же тяжелый – пойдет на дно! А стража подоспеет, как раз когда он будет барахтаться и орать. Они все увидят, понимаете? Это самое важное, все увидят и всем расскажут! Как вам?!

– Э-ге-ге... – неопределенно высказался Бин.

– Да знаю я! – видимо поняв его сомнение по-своему, сказал Кай. – Было бы лучше сразиться с огром один на один, но... Если враг намного сильнее, можно и схитрить. Это все равно будет по-рыцарски. Мой папенька, например, когда бился с Ледяным Великаном, выманил его с горной тропы в болото и там утопил. Мне матушка рассказывала, давно-давно. Ледяной Великан был огромный, как холм, волосатый,

потому что жил на вершине высокой-превысокой горы, где круглый год лежит снег, и от его вони дохли пролетающие мимо птицы.

Перси и Бин снова переглянулись. Они знали, что теперь Кая никакими силами не оторвать от этого огра. Потому что оגר – это оגר. А рыцарь – это рыцарь. А долг рыцаря – в том, чтобы защищать людей от нелюдей.

* * *

Кай был знаком с Бином и Перси, сколько сам себя помнил.

Перси живет напротив, через мостовую, в маленьком домике, набитом народом, как стручок – горохом. Папенька Перси портной – день-деньской сидит посреди единственной комнаты, согнувшись дугой, машет рукой, в которой зажата игла, – будто плывет куда-то – и тихонько напевает себе под нос. Или не тихонько, а в полный голос – это когда отнесет заказ и возвращается домой, заглянув по дороге в трактир. Кроме папеньки и Перси в домишке еще живут три его младшие сестренки, вечно канючащие надоеды, и матушка, такая большая, что, того и гляди, из-под подола у нее посыпятся еще ребятишки. Перси тоже большой, куда больше Кая, хотя они одного возраста, и вечно голодный, сколько ни сожрет.

А Бин живет у рынка. Дом у него такой же маленький, как у Перси, но, кроме матушки, у Бина никого нет. Матушка

Бина – женщина ничего, красивая, всегда веселая и нарядная, будто у нее каждый день – праздник. И очень гостеприимная: вечерами у нее собирается столько гостей, что для Бина не хватает места – он то и дело ночует на рынке, под рядами лавок. Папеньки у Бина нет.

А вот у Кая – есть. Просто такое особенное ремесло у папеньки – он должен биться с чудовищами и дурными людьми, чтобы защищать других людей, хороших. Но чудовищ и разбойников много, так что работы у папеньки Кая невпроворот. Кай и не видел его никогда. Но он на папеньку не обижается. Он понимает, что дело, которым тот занимается, – самое благородное на свете. Тем более маменька говорит, что когда-нибудь папенька возьмет да и вернется. Она часто рассказывает об этом дне, словно они с папенькой договорились, как оно все будет. «Как-нибудь утром, – слышал Кай с самого раннего-раннего детства, – ты проснешься оттого, что услышишь стук копыт. Выглянешь в окно, а там дедушка уже открывает ворота. И папенька наш въезжает во двор. У него белый жеребец, а на жеребце позолоченная сбруя. Сам папенька в сверкающих доспехах, волосы его, вот такие же, как у тебя – черные-черные и легкие, взлетают, когда конь переступает с копыта на копыто. Одной рукой он крепко держит повод, а в другой руке у него сияющий шлем с белым султаном. А на боку длинный меч в золотых ножнах, дарованный самим королем, потому что всем рыцарям, которые долго-долго и хорошо бились с чудовищами, его ве-

личество славный государь Ганелон дарует такие мечи...»

Раньше, когда Кай был совсем маленьким, папенька присылал послания. Эти послания голуби приносили, особым магическим способом наученные запоминать человеческую речь и передавать ее потом вполне понятным клекотом. Голуби прилетали ранним утром, когда Кай еще спал, и вечером, укладывая его, матушка пересказывала, что наговорили ей посланники. С какими ужасными великанами, троллями и ограми сражался папенька, и как он их всех победил и уже хотел было возвращаться, но тут его величеству снова пришла весть из дальних мест обширного королевства Гаэлон, и он призвал своего любимого слугу, самого отважного и сильного рыцаря, и отдал ему приказ немедленно отправляться в путь. Кай становился старше, и голуби-посланники прилетали все реже и реже. А потом и вовсе перестали прилетать. Видно, в таких уж глухих и диких далеких краях исполнял свой тяжкий и благородный долг папенька.

С самого-самого детства Кай знал от матушки, кто таков его папенька. Правда, все эти рассказы матушка ведала ему, когда оставалась с ним одна. При ком другом – редко. А при дедушке Гуре почти никогда. Дедушка (он матушкин отец) почему-то очень не любил эти рассказы и сейчас не любит. Кай не раз слышал, как он говорил матушке: «Задурила парню голову! Давно бы его к ремеслу приучить, а у него все через пень-колоду. Я в его время такой кувшин слепить умел, что и на продажу не стыдно нести, а он...»

Кай ремеслу учится, но только для того, чтобы дедушка не ругался. Кай вовсе не собирается становиться гончаром. Вот еще! Его папенька – рыцарь, с которым сам государь Ганелон беседы ведет, и Кай будет рыцарем. Это ничего, что в нем голубой крови нет. Все знают: честь и доблесть не только от цвета крови зависит. Главное – подвиг совершить, настоящий, рыцарский, такой, о котором все годами вспоминать будут, и тогда...

О том, что произойдет после свершения им подвига, Кай думал с замиранием сердца. Тогда он будет достоин того, чтобы любой рыцарь посвятил его... А вдруг получится у него совершить нечто такое, что слухи дойдут и до папеньки. Или даже до его величества короля Ганелона! Уж папенька в этом случае, конечно, вернется. И уж непременно посвятит Кая в рыцари. А может быть, даже повезет его в Дарбион, в королевский дворец, где сам Ганелон на главной дворцовой площади в окружении самых доблестных рыцарей королевства возложит на плечо вставшего на одно колено Кая свой золотой меч и скажет заветные слова...

Правда, сколько ни искал Кай в городке и в его окрестностях, ни великанов, ни троллей, ни огров, ни злых колдунов не обнаружил. Есть гномы, которых закон королевства защищает почти так же, как и людей. Есть Арарн-ведьмак. Он хоть и маг, но не злой. Вспыльчивый, конечно, и раздражительный. Когда спешит по каким-нибудь своим делам по городской улице, склонив голову в высоком колпаке, укра-

шенном багровыми языками пламени, скрестив руки на груди, можно разглядеть искры, вылетающие из-под полы его длинной мантии. Арарн – единственный маг в округе. Вообще-то дедушка говорил, что по уставу Ордена Королевских Магов полагается каждому городу иметь представителя каждой из четырех Сфер, но ведь этим четверым платить надо о-го-го сколько, и не всякий город может себе это позволить. Тем более такой захолустный, как Мари...

Троллей, говорят, видели на дальних Вонючих болотах, но до болот два дня пути, да и победить тролля, даже парочку – совсем не выдающееся деяние.

Трудно в городке Мари найти достойное дело для того, кто всем сердцем желает стать рыцарем. Не представилось еще случая Каю и его друзьям. Бин и Перси тоже мечтают о ратной доле, но все чаще и чаще Каю кажется, что их выбор – вовсе не выбор сердца, а простое желание почета и уважения, которого в жизни от людей добиться ох как сложно. У них с Каем уговор. Как только он совершит подвиг и пройдет посвящение, они тут же отправятся в странствия на поиски чудовищ, угрожающих жизни добрых людей. Как и папенька Кая. Все втроем отправятся. Тогда-то Бину и Перси представится возможность на деле доказать готовность стать рыцарем.

Почему-то то, что Каю первому удастся совершить подвиг, сомнений ни у кого не вызывало.

Откровенно говоря, полгода назад у Кая, Бина и Перси

был шанс совершить нечто такое, о чем долго бы говорили в городке. В тот день они забрались далеко в лес не в поисках подвига, если честно, а в поисках земляники. Матушка Перси послала сына, а с ним пошли и Кай с Бином. На обратном пути они наткнулись на лесную ведьму. К счастью для них, ведьма оказалась полностью свихнувшейся старухой (с лесными колдуньями такое часто бывает: долгое одиночество, злые помыслы и беспрестанные занятия магией губительно действуют на человеческий мозг), поэтому мальчишки и не могли сказать точно, кто испугался сильнее – они или ведьма. Старуха, пронзительно взвизгнув, кинулась прочь. Высоко подпрыгнув, она заметалась по нижним ветвям деревьев, истошно завывала – сорванные листья и клочья ветхой одежды полетели в разные стороны. Забираясь все выше, перепрыгивая с ветки на ветку, она стремительно теряла человеческое обличье, и уже через минуту вой превратился в жуткое шипение, лишившееся одежды тело покрылось густой шерстью – и дикая лесная кошка скрылась в лесу.

А мальчики опомнились только на опушке леса. Кай, в руках которого была корзинка с ягодами, конечно, ее потерял. Последствия неожиданной встречи для Бина и Перси оказались еще серьезней. Перси обмочился, а Бин неделю не мог выговорить ни слова, да еще недели две потом заикался.

Но это случилось полгода назад, когда они были зелеными сопляками. Теперь им по девять лет, а Бину – почти десять. Теперь у каждого – меч, вырезанный из сосновой ветки, с

заточенными краями и острым, как иголка, концом. Таким мечом, наверное, можно проткнуть человека, если ударить посильнее. Да и просто рубануть – мало не покажется. Вот Асколу не показалось...

Этот великовозрастный дурак, которому вообще-то уже полагалось интересоваться девками, а не верховодить кучкой малолеток, давно привязывался к ним. Непонятно, что его бесило больше всего: деревянные мечи на поясах, игры, в которые они играли только втроем, никого больше не принимая, или что-то еще, но с какого-то времени Аскол просто не давал им прохода. Из какой-то интуитивной осторожности сын рыбака со своими прихлебателями предпочитал отлавливать мальчишек по одному, а если встречал троицу вместе, всегда отделялся парой язвительных замечаний – конечно, в том случае, когда, исходя из количества своей свиты, не бывал полностью уверен в удачном для себя исходе потасовки. Так и продолжалось до сегодняшнего дня...

...Впрочем, в этот вечер Кай забыл о паскудном Асколе, как только он скрылся из вида со всей своей «армией».

Огр – вот что волновало сейчас Кая. Настоящий огр, страшный и наверняка свирепый, то есть *вполне подходящий*, стоял между мальчиком и будущим посвящением.

– Наверное, полночь уже, – проговорил Бин.

– Я есть хочу! – прорычал Перси и погладил себя по животу, который вполне явственно отозвался голодным бурчанием.

Кай ничего не ответил. Глаза его следили за огром, который молча сидел посреди гудящего трактира, а разум, кажется, витал где-то далеко. Время от времени дверь трактира хлопала – все меньше посетителей входило, все больше покидало веселую гулянку.

– Кай, а Кай, – толкнули его в плечо.

Мальчишка неохотно обернулся.

– Матушка мне велела пораньше дома быть, – сказал Бин, пожимая плечами от ночного холода. – Чего-то неможется ей, а очаг развести некому. Может, он до утра сидеть будет, что ж нам, так и ждать до утра?

– А я сейчас от голода помру, – сообщил Перси. – Пошли отсюда, а?

Кай куснул губу.

– Ну вы и... – начал он и махнул рукой: – Идите, чего уж.

– А ты? – осведомился Перси. – Твоя-то матушка тебя, наверное, тоже заждалась.

Кай не ответил. Матушка, конечно, ждет. А может, она подумала, что он отправился в ночной караул с дедушкой Гуром? Дедушка не раз уже обещал. Правда, в этом случае все равно следовало бы отпроситься. Но... Огр же! Настоящий огр сидит всего в нескольких шагах. Нет, нельзя сейчас уходить. Если он сейчас уйдет, а наутро узнает, что чудовище сожрало кого-нибудь?

– Идите, – кивнул Кай и снова повернулся к окну, – сам справлюсь.

Мальчишки потоптались еще, потом Кай, в очередной раз подняв ногу, чтобы растереть онемевшую от холода босую пятку, вдруг ощутил, что остался один.

— Ну и что,— вслух буркнул он и повторил: — Сам справлюсь.

Трактир шумел. Рыжий менестрель под общий гогот заливчато выкрикивал какие-то куплеты, в смысл которых Кай не вслушивался. А огр все сидел и сидел за столом. Небо потемнело и, съезжившись от ночной прохлады, вроде бы стало меньше. Ну и пусть, что Бин и Перси ушли. Сегодня необычный день. Матушка говорила: удача одна не ходит. Значит, если день начался с победы, то победой он и закончится. Мало-помалу мысли мальчика возвращались к сегодняшнему утру...

* * *

— Вот он,— сказал Бин, раздвигая колючие ветки шиповника.— Идет, гадина!

— Я же говорил, он всегда этой дорогой ходит,— облизнув внезапно ставшие сухими губы, заявил Кай.— От Ибистра-травника так ближе.

По тропинке, петляющей меж густых кустов, шагал Аскол. Даже сейчас, когда его здесь, на глухих задворках, никто не мог видеть, он вышагивал важно, будто городской голова господин Сули на Параде Ремесел. От мягких кожаных

башмаков разлеталась пыль, колыхался на груди распахнутый ворот красной рубахи. В руках Аскол нес бережно, будто золотой слиток, пучок сине-зеленой травы.

— Для папаши своего жирнозадого,— промычал Кай.— Чтоб брюхо не пучило. Почитай, каждое утро к Ибиру за свежей травкой бегают.

Бин промолчал. Каю пришлось толкнуть его:

— Ну что? Как договаривались?

— Может, ну его, а? Чтоб его хапуны забрали, связываться еще...

— Ну уж нет,— мотнул головой Кай, которому тоже очень хотелось домой.— Раз уж пришли, надо закончить... все это.

Бин кивнул, прерывисто вздохнул и исчез в кустах. А Кай выпрямился и шагнул на тропинку — навстречу Асколу. И сразу, чтобы предупредить возможную нерешительность, вытащил деревянный меч из веревочной петли на поясе.

На прыщавом лице сына рыбака мелькнул испуг, тотчас же, впрочем, сменившийся всегдашней издевательской усмешкой.

— Опа! — остановившись, сказал он.— Рыцарь говняный! Какими судьбами? Дракона отслеживаешь? Пошли со мной, у нас как раз поросенок запоносил, а никто поймать не может, чтоб лечебный корешок в пасть сунуть. Монетку зарабатываешь... — Услышав позади шаги, Аскол резко обернулся. К нему приближался Бин с мечом в руках. Бин шел, опустив голову — то ли потому, что утреннее солнце слепило ему гла-

за, то ли для того, чтобы не встретиться ненароком с Асколом взглядом.— Опа,— еще раз сказал тот и отступил ближе к кустам. Глаза его забегали, но голос не изменился: — Я ж вам говорил, соплежуи, чтоб на моей улице со своими деревяшками не появлялись! Говорил, а? Вчера только толстому навалили, вы тоже хотите?

Кай молчал, не зная, как начать. Бин, остановившись в нескольких шагах от сына рыбака, молчал тоже.

— А ну дай сюда свою деревяшку! — осмелел Аскол и, сунув травяной пучок за пазуху, шагнул к Каю.— Дай, я сказал!

Кай отступил.

— Дай сюда, помойник вонючий! — заорал, привычно свирепея, Аскол.— А то хуже будет! Ты что, не знаешь меня, что ли?

Он был на две головы выше Кая. Потому с тем же торопливым чувством, с каким вытаскивал свое оружие, Кай размахнулся мечом и, зажмурив глаза, совсем не целясь, ударил.

Деревянная рукоять больно толкнулась в ладонь. Кай открыл глаза и увидел Аскола, грозного Аскола, сидящего в самой пыли с широко раскинутыми ногами. Одна нога его оказалась боса — башмак валялся в нескольких шагах, а на прыщавом лице мешались совершеннейшее изумление и страх — самый настоящий страх. Бин, так и стоявший сзади на тропинке, открыл рот.

Сердце Кая оглушительно стучало. Зрение мутилось — Ас-

кол словно перестал быть Асколом. Будто удар деревянного меча снял заклятие, превратив опасного, злого и сильного парня в обыкновенного перепуганного мальчишку. Куда подевался тот злыдень, изобретательный на обидные прозвища, умелый драчун и непобедимый главарь шайки, после столкновений с которой Кай сводил синяки и ссадины листьями благоцвета и, что греха таить, иногда плакал ночами от бессильной злости? Какое-то новое, распирающее чувство родилось в груди Кая. «Наверное,— мгновенно подумал он,— то же самое испытал и папенька, когда сразил своего первого дракона. Как оказалось легко срубить поганую голову!...»

Кай снова поднял меч.

Аскол закопошился в пыли, торопливо поднимаясь. Кай дал ему встать на ноги и ударил снова — на этот раз метя прямо в лоб. Сын рыбака опять полетел в пыль. И теперь он не спешил подниматься. Из глубокой ссадины пониже линии волос на лицо Аскола выкатилась красная капля. Увидев кровь, Кай почему-то отступил и опустил меч.

— Не надо... не надо... хватит... — бормотал Аскол неузнаваемым голосом, по-крабьи отползая. Кай шатнулся в сторону, уступая ему дорогу. Очнувшийся от оторопи Бин вдруг рванулся к поверженному врагу, размахивая мечом. Но Кай удержал его.

Аскол все полз, повернув бледное лицо к Каю. А оказавшись на безопасном расстоянии, внезапно вскочил.

— Конец вам! — выкрикнул он неожиданно визгливым, по-

чти плачущим голосом.— Вы покойники, вшивота помойная, свиньи! Покойники!..— И, развернувшись, побежал, неуклюже подпрыгивая.

— Вот это да! — услышал Кай голос Бина.— Я и не думал... То есть я думал... Зря мы так. Теперь он нас точно убьет...

Кай повернулся к другу, в первое мгновение не поняв смысла его слов. Новое чувство кипело в груди, словно кипяток. Он рассмеялся, давая ему выход.

— Свихнулся? — тоскливо поинтересовался Бин.— Ты что, не знаешь, какой он? Слышал, что он говорил? Нам теперь точно конец!..

На повороте тропинки Аскол вдруг упал, взмахнув руками. Вскочил и снова побежал, успев, правда, обернуться и погрозить грязным кулаком.

Кай снова рассмеялся.

* * *

Хлопнула дверь трактира, выпуская очередного посетителя. Рыжий парень, тот самый менестрель, шатаясь и икая, вывалился на улицу. Кай вздрогнул, возвращаясь из мира мыслей в реальный мир. И тотчас сунул голову в окно.

Огра за столом не было.

Рыжий покачнулся, едва не упал и по-дурацки закружился на одном месте, пытаясь поймать висящий за спиной черный футляр, будто собака — хвост. Когда ему это удалось, он

удовлетворенно икнул, футляр отпустил, кивнул сам себе и, выписывая длинными ногами кренделя, пошел вдоль по мостовой.

Снова хлопнула дверь, и на пустынной темной улице возникла громадная фигура огра. Кай, задохнувшись от мгновенного испуга, сполз по стене под окно. Секунду огр стоял совсем рядом – от него разило какой-то особой вонью, как из пещеры, наполненной древними костями, – потом, переваливаясь, двинулся вслед за менестрелем. Огр шел, втянув голову в плечи, время от времени озираясь по сторонам. Менестрель, который, конечно, преследования не замечал, принялся насвистывать какую-то беспечную песенку.

«Началось... – стукнуло сердце Кая. – Вот оно!..»

Он хотел подняться, но ноги послушались только со второго раза. Мальчишка взялся за рукоять меча и тут же выпустил. Огр – это не Аскол. Даже смешно думать, что его можно хоть чуть поцарапать этой деревяшкой.

Каю пришлось глубоко вдохнуть, прежде чем он решился сделать шаг по направлению к огру. Страх, словно громадный паук, вцепился в него, не позволяя идти. Но мальчик все равно шел. «Это же не так трудно, – говорил он себе. – Главное – отвлечь чудище на себя, а потом бежать. Бежать изо всех сил! Огры – плохие бегуны, это все знают. Жаль, что Бина и Перси нет, и некому вызвать стражу, но... обо всем расскажет этот рыжий, которого я спасу от верной смерти. У меня получится! Удача не приходит одна...»

Если бы не утренняя победа, Кай вряд ли теперь решился на преследование – он это ясно чувствовал. Просто до сегодняшнего дня он не знал, как важно, всего одно мгновение не думая ни о чем, просто встать и пойти, покрепче сжав меч. Точно, не будь утренней стычки с Асколом, он бы не решился. Составлять план и мечтать о подвиге – это одно. А кинуться на ужасное чудовище в одиночку, вооруженным только деревянным мечом, – это совсем другое.

Рыжий менестрель был пьян в стельку. Вот его занесло далеко в сторону, он наткнулся на забор и едва не упал.

Огр ускорил шаг. Почти побежал и Кай.

Менестрель, поймав равновесие, длинно выругал забор и даже стукнул по нему кулаком, видимо всерьез на него обиравшись. После чего продолжил путь, но по такой замысловатой синусоиде, что, сделав несколько шатких шагов, вернулся к забору и снова врезался в него. На этот раз приложился он основательно. Кай услышал звук, который получается, когда топором бьют по неподатливой чурке, а рыжий менестрель опрокинулся во весь рост на мостовую.

Огр кинулся к нему.

«Получится!..» – гроыхнуло в голове у Кая, который, воздев над головой меч, подбежал к чудищу, уже с глухим рыком склонившемуся над пьяным.

Прежде чем ударить, мальчик непроизвольно зажмурился. Меч попал по широченной спине огра плашмя, поэтому звонкий шлепок разнесся на всю улицу. Выронив меч, Кай

развернулся и бросился бежать.

Осмелился оглянуться он только через несколько минут. Огра нигде не было видно. Не было слышно даже его шагов. Зажимая рот рукой, чтобы не выдать себя шумом дыхания, Кай медленно, беспрестанно вглядываясь в липкую тьму, пошел обратно.

Огра он нашел там же, где и оставил. Чудище склонилось над распростертым телом и урчало. Неподалеку белел брошенный меч.

«Он даже не почувствовал удара!» – в отчаянии подумал Кай.

Секунду мальчик стоял, слушая удары собственного сердца, которое, казалось, бухало на полгорода, потом, стараясь двигаться как можно тише, направился к огру. «Надо было заорать! – мелькнула в его голове мысль. – Светоносный, неужто он его уже жрет?!»

Он подкрался к мечу, наклонился, чтобы поднять его, и, выпрямившись, вдруг ткнулся взглядом в серокожую громаду, воздвигшуюся прямо перед ним.

Огр, очевидно просто притворявшийся, что не замечает мальчика, схватил его чудовищной лапищей за шиворот и с ревом оторвал от земли.

* * *

– А теперь объясните мне, добрый господин, почему и с

какой целью вы напали на моего товарища? – изысканно спросил менестрель, возлежавший на мостовой, удобно подложив руку под голову.

Кай, висевший между небом и землей, еще не обрел дар речи.

– Быть может, вас интересовало содержимое моего кошелька? – продолжал рыжий менестрель. – Смею вас уверить, кошелек совершенно пуст. В этом городишке живет странный народ. Если я угостил кого-то кружкой-другой, не значит ли это, что потом неплохо бы угостить меня? Тем более что я весь вечер драл глотку, ублажая весь трактир... Кстати, мое имя – Корнелий.

– К-кай... – с трудом выговорил Кай.

Огр, который удерживал мальчика в висячем положении на согнутой в локте руке так же легко, как будто это был тряпичный лоскут, снова заурчал.

– Отстань, Ххар, – поморщился Корнелий. – Никуда я отсюда не пойду, я же сказал. Ночь не такая уж и холодная. Видали мы с тобой и похолоднее. Трактирщик не разрешил остаться переночевать, потому что мне уже нечем было заплатить. И это в то время, когда во всем королевстве менестрели, по обычаю, не платят за ночлег и выпивку! Клянусь веселым Гарнаком, покровителем менестрелей и пьяниц, этот Горн – самый скупой трактирщик во всем Гаэлоне. Он сказал, что я начал платить тогда, когда он еще и не догадывался о роде моих занятий, то есть я вошел в трактир как

обычный посетитель, значит, и выйти должен как простой посетитель. Говоришь, имя твое Гхай? Не совсем обычное имя для гнома. И с какой поры маленький народец разбоем занимается? – Корнелий расхохотался пьяным раскатистым хохотом. – Скажи мне, господин Гхай, в этом городишке есть еще места, где собираются, чтобы выпить и послушать старые добрые баллады и веселые застольные песенки?

– Я... – с трудом выговорил Кай и прокашлялся. – Никакой не гном. Я... не разбойничал.

Корнелий приподнялся на локте и, гримасничая от напряжения, долго вглядывался в своего пленника. Потом хрюкнул и снова расхохотался.

– Клянусь веселым Гарнаком! – воскликнул он. – Это ж пацан! А меч... – он перевел взгляд на валявшийся рядом меч Кая, – простая деревяшка? Что ж в этом городе творится, а? Трактирщики выкидывают менестрелей на улицу, а мальчишки темными ночами нападают на огров!

– Пусти меня! – набрался смелости Кай и дернулся в крепкой хватке Ххара. – Скажите ему, господин менестрель, пусть он меня отпустит. Я матушке скажу! Я... дедушке скажу, он сейчас в ночном карауле!

– Твой дедушка – добрый господин Гас? – тут же поинтересовался Корнелий, очевидно что-то припоминая сквозь пьяный дурман.

– Гур! Мой дедушка – Гур!

– Гур... – наморщился Корнелий. – Наверное, слышал...

Неважно. Так объясни, пожалуйста, сначала, добрый господин... как тебя?.. Гхайрл?..

– Кай!

– Ну да, Кай. С чего ты вдруг набросился на моего здоровяка? Он что, тебе ногу отдал или посмотрел косо?

– Он же огр! – выпалил Кай. – Он огр и... Я не знал, что он ваш... Я думал, он набросился и сейчас вас сожрет!

– Еще интереснее. – Менестрель сел на мостовой, обретя позу шатаемого ветром цветка. – И ты в одиночку набросился на него?! С этой деревяшкой? Говори! Пока не объяснишь, будешь болтаться, как груша. Ххар тебя до самого утра держать может. Ты ему своей деревяшкой так двинул, что у него наверняка прыщ на заднице вскочит.

Каю очень хотелось на землю. Ему очень хотелось домой и быстрее спать, чтобы забыть эту дурацкую ситуацию, в которую его угораздило попасть. Путаясь и запинаясь, он заговорил. А когда закончил, Корнелий взорвался таким громopodobным хохотом, что опять свалился на мостовую, и ему пришлось с минуту подрыгать ногами, чтобы успокоиться и снова принять сидячее положение.

– О, веселый Гарнак! – всхлипнул рыжий, вытирая слезы. – Чего только не бывает в славном Гаэлоне! Значит, ты намеревался совершить подвиг? Деревяшкой?.. Ну знаешь, это не совсем по-рыцарски. Хотя... – Менестрель посерьезнел. – Гидруг Разящий, когда у него сломался меч, прикончил Зарейскую Семиглавую Тварь колом! Так что...

– А кто такой Гидруг Разящий? – немедленно спросил Кай.

– Один из двенадцати рыцарей Ордена Пылающего Круга, – ответил Корнелий. – Разве ты не знаешь? Ты же намереваешься стать рыцарем! Ты должен знать историю рыцарства Гаэлона! Неужели к вам в городок никогда не забредали менестрели?

– Н-нет... Может быть... Не помню. А все менестрели знают историю рыцарства?

– Ни один из менестрелей, – важно заявил рыжий, – не знает историю рыцарства так хорошо, как я! Отпусти его, Ххар, пусть идет домой. Нашего Кая Атакующего Огрские Задницы матушка, вероятно, заждалась.

Лапища огра разжалась, и Кай брякнулся на мостовую. Но уходить уже не спешил.

– Господин Корнелий, – несмело обратился он к менестрелю, снова улегшемуся на мостовую, – не согласитесь ли переночевать в моем доме? Матушка утром покормит вас завтраком.

– Матушка? – переспросил, не поднимая головы, Корнелий. – А что скажет папенька?

– Папеньки сейчас нет, он в походе. Он рыцарь, ему сам государь его величество Ганелон золотой меч даровал за ратные подвиги!

– Да? – живо заинтересовался Корнелий и снова поднялся. – Значит, сэра Кай живет только с матушкой? А ведь есть

еще и дедушка... Который в ночном карауле... Что скажешь, Ххар?

Огр рыкнул и пару раз мотнул башкой – вниз-вверх.

– Мы согласны, – вставая на ноги с помощью Ххара, проговорил Корнелий. – Но помните, господин сэр Кай Добросердечный, менестрели за ночлег и завтрак расплачиваются балладами. Это золотое правило мастеров нашего дела. Идет?

– Очень хорошо, господин менестрель! – улыбнулся Кай.

Глава 2

Громкие крики выбросили Кая из сна. Он вскочил и зазмурился от яркого солнца, ударившего ему в глаза через распахнутую дверь сарая. Мгновенной чередой пробежали перед ним события завершения вечера. Вот они вместе с менестрелем и огром вернулись домой. Вот матушка, набросившаяся было на Кая с упреками, увидев огра, раскрыла рот и застыла на месте, а рыжий Корнелий, согнувшись в каком-то диковинном полупоклоне, начал разливать длинную медовую речь и разливал ее, пока не упал.

Потом они – матушка, Корнелий и Кай, – оставив огра на пороге, долго сидели в комнате. Корнелий пел, наигрывая на своем инструменте, похожем на гуся без лапок, и то и дело прикладываясь к кувшину вина, который матушка поставила на стол. Сначала менестрель пел о рыцарях давних времен, и тесная полутемная комнатка осветилась сиянием доспехов, всполохами пламени из пастей невероятных чудовищ, брызгами искр от ударов стали о сталь. Потрескивание масляного светильника заглушил грохот битв и восторженные вопли толпы на турнирах и рев драконов.

Несколько старинных песен-легенд спел менестрель, малопонятных из-за обилия древних слов, о Великой Войне. О войне между людьми и эльфами, о войне за право обладания миром, о войне, в которой когда-то люди ценой чудовищных

жертв и разрушений все же одержали безоговорочную победу, навсегда изгнав жалких недобитков Высокого Народа в зачарованные чертоги, скрытые от глаз любого человека.

Потом Корнелий запел другие баллады. Вроде тоже о рыцарях, но место чудовищ заняли прекрасные дамы, с которыми рыцари не сражались, а совсем наоборот. Глаза мальчика стали слипаться, и матушка велела ему идти спать на сеновал, добавив, что господин Корнелий скоро присоединится к нему...

Крики неслись со двора. Съехав с вороха сена, Кай ринулся к дому.

У дверей творилось нечто невообразимое. Дедушка Гур, с совершенно красным лицом, растрепанными седыми волосами, молотил громадного Ххара длинным обломком копья по плечам и локтям, которыми тот закрывал морду. Огр приплясывал на месте, жутко взрыкивал, скалил из-под рук желтые клыки, но прохода не освобождал.

Вдруг невесть откуда вылетел Корнелий – босиком, в одних штанах, с растрепанной рыжей шевелюрой, с целой грудой перестукивающихся амулетов на тощей груди. Он гаркнул что-то Ххару на одном из огрских наречий, и тот с неожиданным для своей туши проворством отпрыгнул в сторону. Старый Гур, напоследок наподдав обломком копья огру по загривку, по инерции ввалился в дом, но на пороге столкнулся с матушкой – простоволосой, в одной ночной ру-

башке.

– Анна! – заревел дедушка. – Что здесь творится? Меня в мой собственный дом не пускает какой-то тупоголовый огр! Откуда здесь огр? Откуда здесь... – Он перевел яростный взгляд на Корнелия и вдруг узнал его: – Пустозвон! А ты что здесь делаешь?! Анна! Что он здесь делает?

– Дедушка, – попытался было вступить Кай, но Гур крепко ухватил его за плечо:

– Беги за стражей, Кай!

– Папенька... – только и смогла вымолвить матушка.

– За стражей, Кай! – рывкнул старый Гур и, взяв свою палку наперевес, снова шагнул к огру.

Но тут, пихнув в бок Ххара, вперед вышел менестрель. Одеться он, конечно, не успел, но волосы пригладил.

– Добрый господин, – с достоинством поклонился рыжий, – позвольте разъяснить недоразумение, а уж после того посылайте за стражей сколько вам будет угодно. Мое имя Корнелий. Меня и моего товарища Ххара любезно пригласил вот этот молодой человек.

– Кай?! – удивленно уставился на внука старый Гур.

– Ему негде было ночевать... – пробормотал Кай. – Он... он хороший. Он такие баллады поет!..

– Какие баллады он поет, я знаю! – хрипнул дедушка и остановил взгляд на дочери. – Анна! Ты... Он что, всю ночь тут провел? – заревел опять Гур. – Где ты спал, пустозвон?!

– В сарае, на сеновале, господин, – снова поклонился Кор-

нелий.— Смею развеять ваши оскорбительные подозрения, которые, поверьте, мне больно выслушивать,— мы, менестреля, знаем, что такое благородство и честь.

— Анна, иди в дом, оденься! — топнул ногой дедушка.

Матушка тут же исчезла в доме, а Кай глянул на менестреля. Пробуждение было, конечно, неожиданным, и осмотреться там, в сарае, ему было некогда, но... вряд ли он не заметил бы, что рядом кто-то спит. Да и еще — дедушка сейчас рассержен и неспособен обращать внимание на детали, но ему-то, Каю, видно, что ни соломинки в густых рыжих волосах менестреля нет. И... кто ж раздевается, когда приходится спать в сарае?

— Позвольте еще раз принести свои извинения за причиненные неудобства,— изысканно произнес Корнелий.— Я как раз, проснувшись, проветривал свои одежды, а то услышал бы шум раньше и раньше прекратил бы безобразие. Огра я накажу, уж поверьте. Но... я назвал свое имя, а ваше имя, добрый господин, мне неизвестно.

— Гур! — отрывисто буркнул старик.

— Гур?! — вдруг округлил глаза Корнелий. Он даже отпрянул, прижав руки к груди, как будто увидел перед собой по меньшей мере его сиятельство графа Конрада.— Тот самый Гур?!

— Откуда ты меня знаешь, пустозвон? — с мрачным удивлением спросил дедушка.

— Как?! — всплеснул руками менестрель.— Господин Гур,

кто же вас не знает? Я в этом городе второй день, но мне уже столько о вас рассказали!

— Что же, интересно, обо мне рассказывают? — недоверчиво осведомился старик. — И кто? Гас?

— Никакой не Гас, — уловив нотку презрения в голосе Гура, моментально ответил менестрель. — Намного более достойные господа... стражники. Весь город восхищается вашим мастерством, а красота вашего дома, в особенности крыши, затмевает красоты, виденные мною во многих городах Гаэлона. Я слышал даже, что сам господин Сули намеревается перестроить крышу своего дома под стать вашей. А еще говорят...

— Пустозвон! — махнул рукой дедушка, но уже не сердито, а скорее устало. — Пошел вон отсюда. Забирай своего вонючего огра и проваливай!

— Как скажете, добрый господин Гур, — в очередной раз поклонился Корнелий. — Но вечером я обязательно загляну к вам, чтобы расплатиться за постой. Мы, менестрели, всегда платим за ночлег звонкой монетой — таково золотое правило мастеров нашего дела.

Кай хотел было напомнить рыжему Корнелию о том, что золотое правило менестрелей — платить за ночлег исполнением баллад, но промолчал. В конце концов, Корнелий проведет с ним еще один вечер, а за вечер сколько можно спеть баллад!

Поклонившись еще трижды, Корнелий исчез за углом до-

ма, утянув с собой и огра. Кай шмыгнул за ним и успел увидеть, как матушка, уже спрятавшая волосы в чепец и затянутая в платье, подала менестрелю из распахнутого окна ворох одежды и инструмент в чехле. Принимая ворох, Корнелий как-то воровато оглянулся, увидев Кая, с испугом замер, но потом, мгновенно оправившись, весело подмигнул. «Думал, что дедушка,— догадался Кай.— Значит, матушка ему почистила одежду, а не он сам. И почему они боятся, как бы дедушка не узнал?...»

Подмигнув, рыжий менестрель и не думал уходить, как обещал старому Гуру, хотя огромный Ххар просяще урчал, осторожно трогая хозяина за плечо. Корнелий о чем-то разглагольствовал, ежеминутно приседая в таких причудливых реверенсах, что казалось, будто он танцует. А матушка смеялась, зажимая рот ладонью. Такой счастливо-раскрасневшейся Кай матушку видел давным-давно — в те вечера, когда она рассказывала ему о подвигах папеньки. Кай и теперь помнил, как она рассказывала — сначала вела повествование ровно, чуть улыбаясь, а потом словно переставала видеть Кая, хоть и не закрывала глаза, словно говорила сама себе: «Как-нибудь утром ты проснешься оттого, что услышишь стук копыт. Выглянешь в окно, а там дедушка уже открывает ворота. И папенька наш въезжает во двор. У него белый жеребец, а на жеребце позолоченная сбруя...»

Нагрудная пластина скакуна была оснащена двумя изогнутыми клинками, расходящимися по обе стороны крупы отточенными косами. Конь мчался вперед, а огры, те, что попадались ему на пути, рушились срубленными дубами на землю, пятная ее своей кровью. Всадник длинным мечом рубил направо и налево, одним умелым ударом отсекая головы тем, кто ухитрился ускользнуть от гибельных клинков нагрудной пластины. Стоны и вопли умирающих серокожих чудовищ летели вслед за всадником отвратительно косматыми воронами.

Тропа пошла вверх. На камнях скалы, вершину которой заливал неземной свет Голубой Розы Живого Серебра, свалка стала гуще. Скакун устал, да и тяжело ему было бежать на подъем, зато длинный меч сэра Кая поднимался и опускался чаще. Наконец, один из огров, умирающий под копытами коня, успел длинным ножом распороть брюхо животного. Скакун споткнулся и упал. Всадник вылетел из седла и на мгновение скрылся под ревущей серой массой. Но только на мгновение!

Копищающаяся гряда будто взорвалась. Взметнулись вверх струи крови, отрубленные серокожие ручищи, остроухие головы, обломки топорниц и ножей. Сэр Кай, тяжело дышащий, с окровавленным мечом в руках, оказался в плотном кольце

рычащих огров. Он взмахнул над головой мечом, готовясь к последней смертельной схватке, но тут кольцо, дрогнув, раздалось в стороны, и, раздвигая серокожих гигантов огромными плечами, к сэру Каю шагнуло чудище, почти вдвое выше самого высокого огра.

На голове чудища – громадной, темной и голой, будто обкатанный морскими волнами валун, – тускло белела костяная корона, крохотные глазки пылали так, что в пропитанном кровью воздухе явственно запахло раскаленной серой, с длинных желтых клыков капала на бугрящуюся мускулами грудь черная слюна. Сэр Кай сразу узнал в чудище Хавутара – повелителя всех диких огров, мастера грубой первобытной магии темных духов, обитателей подземных пещер, куда нет хода не только человеку, но и даже гному.

Огры восторженно взвыли, теснясь к ближайшим камням, освобождая место для поединка. Хавутар, не сводя пылающих глаз с сэра Кая, медленно вытянул из-за спины невероятных размеров сдвоенный топор и глухо прорычал:

– Чего размахался? Чуть не зашиб меня!

Кай плашмя ударил мечом по колену, стряхивая с деревянной поверхности зеленые капли, лоскутки листьев и раздавленные головки чертополоха, и снова принял боевую стойку.

– Защищайся, мерзкий Хавутар! Это говорю тебе я, сэр Кай Громоподобный, самый славный из двенадцати рыцарей Ордена Пылающего Круга! Не удержать тебе Голубую Розу

Живого Серебра, чья только роса способна излечить раны моего друга, сильного и смелого Гидруга Разящего,— ужасные раны, полученные им в схватке с мерзкой Зарейской Семиглавой Тварью.

— Чего?! — вытаращился Бин.

— Ты ничего не слышал о рыцарях Ордена Пылающего Круга? — осведомился Кай.

— Какого круга? — раскрыл Бин рот.

— Пылающего,— ответил Кай с таким видом, будто он сам не только вчера впервые услышал об этом Ордене, а прожил там в качестве почетного гостя по меньшей мере неделю.

— А... ага... — неопределенно пробормотал Бин и оглянулся на окна своего дома, свежевыкрашенного в нарядные цвета, но густо заросшего чертополохом. Впрочем, благодаря бурной деятельности славного рыцаря сэра Кая Громоподобного заросли теперь были порядком прорежены.— А... а мамаша меня вчера так отчесала за то, что по ночам шляюсь,— договорил он, исподлобья глядя на друга.— Мне прибраться надо было, потому что гости с утра должны прийти... А... а тебя?

— А меня — нет,— беспечно мотнул головой Кай.— Пошли, что ли?

Они двинулись привычным маршрутом — обратно к дому Кая, чтобы зайти еще и к Перси. Толстяка Перси они всегда последним вытаскивали на улицу. Рано утром в жилище его отца-сапожника нечего и думать было соваться: мно-

гочисленное и крикливое семейство Перси, переполнявшее крохотный домишко, шумно завтракало, прежде чем разбредись по своим делам.

На узких городских улочках царил час кухарок. Метя передниками камни мостовой, тяжело пыхтели нагруженные корзинами тетки. В корзинах пищали цыплята, растерянно гоготали приготовленные для обеденного заклания гуси, выкрикивали отчаянные гортанные ругательства утки. Пожилая гномиха, похожая на тряпичный шар, деловито катилась посередине улицы, неся на палке через плечо с десяток маленьких узелков, из которых раздавалось сдавленное мяуканье. Гномиху заметно сторонились – не все одобряли кулинарные предпочтения маленького народца. Двое мальчишек, помладше Кая, волокли на веревке упирающегося, визжащего поросенка, за ними следом шествовала дородная старуха, из корзины которой надменно озирали окрестности глупый индюк.

Кай, подпрыгивая, почти бежал по краю мостовой – там, где кончались камни и начиналась липкая грязь сточной канавы. Деревянный меч, на веревочной перевязи болтающийся у пояса, он придерживал за «эфес». Бин едва поспевал за ним. Кай пересказывал вчерашнее происшествие торопливо, восторженно и абсолютно честно, лишь чуть-чуть приукрашивая некоторые факты, но исключительно ради придания художественной ценности рассказу. Бин только дважды недоверчиво воскликнул:

– Да что ты говоришь!

Первый раз, после слов: «Врезал я этому огру мечом, а он как заорет, как кинется на меня, я ему еще раз – тут он заскулил и приготовился бежать...», а второй раз после: «Этот Корнелий все-все про древних рыцарей знает, он самому его величеству Ганелону баллады пел...»

– Дедушка Корнелия чуть было не пришиб с утра, а матушка – ничего, ей Корнелий понравился, – закончил Кай, и Бин как-то непонятно, по-взрослому усмехнулся.

– Что? – вскинулся Кай.

– Ничего, – отвел глаза Бин и спросил: – А где этот Пылающий Орден можно найти?

– Сейчас? Нигде уже. Это ж было давным-давно!

– А-а... А нынешние-то рыцари в какой Орден объединились?

– Не знаю, – ответил Кай. – Про это Корнелий ничего не рассказывал...

Он вздохнул. Как-то странно получалось. Баллады говорили о древних-древних временах, когда славному рыцарю стоило только переступить порог своего замка, как на него тут же скопом накидывались всевозможные колдуны, чудовища и великаны вперемежку с прекрасными девами. А о нынешних временах менестрель ничего не пел. Наверное, должно пройти много-много лет, прежде чем сложат баллады о современных героях. Таких, как папенька, например...

Увлеченно разговаривая, мальчишки быстро шли по пет-

ляющим улицам. Лишь один раз остановились поглазеть через низкий плетень на двор Брада-сапожника. Там Брад, да еще Нил, тоже сапожник, со своими подмастерьями сколачивали из длинных и сухих березовых поленьев огромную подошву – ну должно быть, шагов в шесть длиной, шага в два шириной. Это какой же сапог будет? Вышиной с колокольню? А из чего голенище делать? Вряд ли из кожи – уж больно накладно.

Для Парада Ремесел стараются. Веселый праздник – этот Парад Ремесел, сам господин Сули его придумал два года назад. На Параде лучшие мастера каждого ремесла представляют свою работу. И чем громаднее получается изготовленная штука, тем больше мастерам почет. В прошлом году расстарались кузнецы. Выковали такую здоровенную подкову, что со двора кузни выкатить не смогли. Стали лошадьми тянуть, а она развалилась – кто ж такую огромную дуру из хорошего металла ковать станет? Но лучше всего, когда колбасники, кондитеры и хлебопеки свой товар представляют. Все вместе зараз полгорода накормить могут. Ну не половину, а около того. В том же году, когда кузнецы опростоволосились, колбасники десяток свиных сарделек на Парад вынесли – каждую всемером, а хлебопеки хлеб на телеге везли, а кондитеры торт волокли на жердях, аж с городской колокол тот был. Правда, пустой внутри – в него карликов для смеха посадили...

Из проулка сломя голову выбежал лопухий мальчишка –

он намеревался пересечь улицу и нырнуть в противоположный проулок, но Бин с Каем невольно загородили ему дорогу. Оба знали этого лопоухого. Его звали Дранк, и он принадлежал к компании, в которой верховодил Аскол.

Встретившись взглядом с Каем, Дранк испуганно отпрянул, ойкнув к тому же. Не ожидавший подобного эффекта Бин победоносно взглянул на Кая. А Дранку рывкнул:

– Ослеп, что ли? Людей с ног сбиваешь... Может, по шее хочешь?

– Да оставь ты его! – махнул рукой Кай. – Пошли быстрее. А я еще чего подумал: может, сегодня все вместе на нашем сеновале ляжем? Сегодня Корнелий ведь снова придет... Вот я и спрошу про рыцарей нашего времени. Не может быть, чтобы не было такого же славного Ордена, как Орден Пылающего Круга, в наши дни.

– Ага, – кивнул Бин и сплюнул под ноги Дранку: – Ладно, вали к своему Асколу! Небось соскучился по затрещинам атаманским...

Дранк отпрыгнул в сторону. Уверенные в том, что мальчишка сейчас взорвется водопадом ругательств и угроз, прежде чем броситься наутек, друзья удивленно переглянулись, когда Дранк вдруг округлил глаза и выпалил:

– Аскол! Вы что, не знаете, что ли?..

– Что? – спросил Кай.

– Арарн-ведьмак-то вчера... Когда подмастерья своего отчитывал, в окно глянул и нас заметил! Как заорет, как зама-

шет руками – из пасти искры как сыпанут! Мы все – кто куда!.. Я до самого дома бежал, не оглядываясь.

– Неужто ведьмак Асколу задницу поджарил? – хмыкнул Бин.

– Кабы так! Я-то сам не видел, ко мне с утра пацаны забежали. Говорят, Аскол не убег. Споткнулся, говорят. А Арарн-ведьмак его поймал и... зашипел по-змеиному. Потом плюнул ему в лицо, и стал у Аскола вместо носа поросичий пятак. И вроде как сказал Арарн, мол, пока твой папаша мне не заплатит... – Ему не удалось договорить: Кай и Бин дружно расхохотались. – Вам смех! – оскорбленно крикнул Дранк. – А он, Аскол-то, всю ночь пролежал в кустах у скотобойни, возле Дерьмовой Дыры. Домой идти боится. И посейчас лежит, на люди показываться стыдится. Наши пацаны, почитай, все там.

– Брешешь! – предположил Бин. – Как пить дать брешешь.

– Кобель твой брешет! – огрызнулся Дранк. – А я говорю, что люди рассказывают...

Пробормотав что-то еще, Дранк прошмыгнул мимо приятелей и кинулся в проулок. Мальчишки снова прыснули.

– Вот умора! – отхохотавшись, выговорил Бин. – Поросичий пятак! Нет, Арарн все-таки мужик что надо!

– Мировой мужик, – согласился Кай.

Внезапно замолчав, они посмотрели друг на друга.

– На замануху похоже, – проговорил наконец Кай.

– Да ну! – отмахнулся Бин. – Мы только одним глазком.

Уж очень хочется! Мы тихонько, нас никто и не заметит.
— Ладно, пошли,— согласился Кай.

* * *

От скотобойни тянуло приторным запахом крови, но чем дальше Кай и Бин углублялись в заросли лопухов и чертополоха, тем явственней ощущалась гнилая вонь Дерьмовой Дыры.

— Да где ж они?..— прошипел Бин, вытягивая шею, чтобы хоть что-то разглядеть поверх буйной чащи пыльных сорняков.

— Не шуми,— толкнул его в спину Кай.

— Да что — не шуми! Нет тут никого. Посмеялся над нами Дранк — точно! Сейчас насквозь эти кусты пройдем и как раз в Дерьмовую Дыру угодим. Надо было все же дать разок по шее этому...

Тут голос Бина сорвался на испуганный вскрик — он мотнулся куда-то вперед и влево и неожиданно исчез. Кай дернулся за ним. И, уже ощутив, что неудержимо скользит вниз по крутому склону невидимого из-за лопухов овражка, взмахнул руками, пытаясь уцепиться за что-нибудь. Ладони резанула боль от шипов чертополоха, в уши ринулся шум веток, и почва под ногами Кая брыкнулась, переворачиваясь. Он покатился неведомо куда, успев только прикрыть руками лицо, чтобы защититься от колючек.

Овражек оказался неглубоким и узким. Скорее даже, это был вовсе не овражек, а русло ручья, стекавшего когда-то в Дерьмовую Дыру. Здесь, внизу, было сыро и грязно и еще сильнее воняло.

Гадливо морщась, Кай поднялся, стряхивая с себя комья липкой грязи.

— Ну Дранк,— пробормотал он. — Гадина!.. А ты, Бин, говорил еще... — Кай замолчал, вдруг поняв, что никакого Бина рядом нет.

«Должно быть, скатился ниже»,— решил он и зашлепал, с трудом вытаскивая босые ноги из грязи, по направлению склона. Через несколько шагов он заметил, что края овражка стали много ниже. Мальчишка дотянулся до толстого стебля, свисавшего над головой, схватился за него и вытянул себя наружу.

Какой-то приглушенный вскрик долетел до него.

— Да здесь я, здесь,— пробормотал Кай, узнав голос Бина.— Мог бы и подождать...

Он поднялся и, раздвигая кусты, пошел на звук. Когда со всех сторон неожиданно захрустели ветви, Кай еще ничего не понял. Неосознанным движением он схватился за рукоять меча, и тут на него навалились сразу несколько человек, раньше укрывавшиеся за широкими листьями лопухов. От тяжести Кай свалился сразу же. Это была настоящая, умело организованная засада. Нападавшие не говорили ни слова, Кай слышал только надсадное дыхание и тревожный шум

крови в голове, пыль сразу запорошила ему глаза так, что он совсем не мог смотреть, а утереться никак не получалось – руки ему сразу же завернули за спину. Кто-то, больно надавив коленом в бок, вытянул из-за пояса деревянный меч. Кто-то, должно быть двое или трое, вздернули его на ноги и поволокли куда-то сквозь кусты.

– Наконец-то,– услышал Кай знакомый до боли гнусавый голос и, с трудом проморгавшись, открыл глаза.– С самого утра жду,– добавил Аскол.– А вас все нет и нет.

Он стоял, уперев руки в бока, прямо перед Каем на небольшой, видимо, совсем недавно вытоптанной лужайке. Никакого, конечно, поросячьего пятачка на его лице не было, только торжествующая ухмылка. Вся его шайка была в сборе, и даже более того... Бина, тяжело дышащего и полностью обескураженного, держали позади Аскола трое пацанов, одним из которых был паскудный Дранк, двух других Кай не знал. Его самого держали двое. Третий сидел на корточках близ Аскола и поигрывал двумя деревянными мечами. Еще парочка, только что продравшаяся через кусты, теперь, чертыхаясь, очищала одежду от колючек.

«Шестеро,– подытожил Кай.– Да еще Аскол. Семеро... Да еще эти двое – должно быть, наблюдатели. Девять...»

– Рыцари безмозглые! – хохотнул сын рыбака.– В башке – лягушачья икра!

Вокруг засмеялись.

– Чурбаки дубовые! – продолжал веселиться Аскол. – Какие ж вы рыцари, к хапунам, если вас никто не посвящал? А?.. Какие, я спрашиваю? Хреновые, вот какие! – ответил он на свой вопрос. – Ну как, братцы? Поможем ребятишкам? Дай-ка! – не глядя, протянул руку, в которую тотчас вложили один из мечей.

«Не мой, – с каким-то странным облегчением подумал Кай. – Бина...» Он вдруг поймал себя на мысли, что совсем не испытывает страха. Словно что-то сломилось в нем тогда, на кривой тропинке, залитой утренним солнцем, ведущей от дома травника к дому рыбника Харла. Что-то сломилось, растаяло и исчезло. А на его месте, питаемое суровым пламенем древних легенд Корнелия, поднялось, как поднимается весной из-под рыхлого усталого снега упругий молодой цветок, что-то совершенно новое, чему Кай еще не нашел названия.

– Поможем ребятишкам? – наступал на Кая, помахивая мечом, Аскол. – А? Чего скажете?

Кто-то что-то ответил, кто-то снова заржал – Кай этого не услышал. Он смотрел в глаза Асколу, который все подступал, подступал к нему, но никак не мог решиться поднять меч для удара. Он смотрел в его глаза, водянисто-серые, как болотная вода, и видел, что на неглубоком дне их плавал страх. И Кай понимал, откуда этот страх. Потому что в его глазах Аскол страха не видел.

– Этого на сладенькое оставим, – сплюнул Аскол и кру-

то развернулся.— Начнем во-от с кого. Ну-ка... Покажи, что умеешь,— обратился он к Бину.

Бин дернулся, но его держали крепко.

— Ну-ка, защищайся! — приказал Аскол.— Чего дрыгаешься?

Бин тяжело дышал. Вытянув шею, он глянул в лицо Каю, с натугой сглотнул и сжал губы.

— Ничего не умеет,— делано огорчился сын рыбака.— Кроме того, что сопли на кулак мотать. Ну-ка... — Он размахнулся и, примериваясь, несильно, ударил Бина по плечу. Тот зашипел сквозь зубы.— Посвящаю тебя! — гнусаво завыл Аскол.— В рыцари Дерьмовой Дыры...

Тут пацаны захлебнулись от смеха.

— ...и нарекаю... — Аскол на секунду задумался: — Бин — Коровий Блин!..

Каю показалось, что он сейчас оглохнет от взрыва хохота, ударившего в оба уха. Аскол знал, что делает. Сейчас он изобьет их при всех так, что следы будут видны еще несколько дней, а уж позорные прозвища, которые они сегодня получают, не забудутся никогда.

— Стой, не падай! — орал Аскол, лущуя Бина его же мечом по спине, плечам и груди.— Стой прямо, Бин Коровий Блин! Нравится деревяшками махать, соплежуи? Нравится? Сейчас ты у меня помашешь, сучонок...

Пацаны хохотали, но из голоса Аскола смех уже исчез. Он бил все сильнее и сильнее. Прыщавое и мокрое лицо его рас-

краснелось, из распяленного рта летели нити слюны. очередной удар пришелся Бину по уху – мальчишка выгнулся и закричал.

С этой секунды хохот стал смолкать. И все тише становилось на поляне. Аскол уже не вопил, он лишь сипло дышал, побрякивая при каждом ударе, гулко отдающемся среди пыльных кустов. Меч поднялся и опустился еще три раза – на нестриженую голову Бина. При последнем ударе послышался треск, меч обломился и, соскальзывая, острым сколом глубоко вспорол Бину щеку. Кровь брызнула так далеко, что Аскол отшатнулся. Бин тонко заскулил и обмяк в руках мучителей – впрочем, его тут же отпустили, – он упал и скорчился на траве.

Пацаны, пораскрывав рты, смотрели на своего предводителя. А сын рыбака, словно ничего вокруг не видя и не слыша, снова поднял обломок меча.

Тогда Кай рванулся. Его уже почти не держали: достаточно было одного резкого движения, и мальчишки брызнули в разные стороны.

Аскол, вероятно, нутром почуял опасность. Он быстро обернулся, отмахнувшись мечом, но Кай бросился не к нему, а к тому, кто держал его меч. Мальчишка отшвырнул от себя деревяшку, не успел Кай сделать и пару шагов.

Кай поднял свой меч. Рукоять удобно и прочно легла в ладонь. Он смотрел на искаженную бешенством физиономию Аскола, на побелевшие искривленные губы, на которых осе-

ли брызги крови, на раздувающиеся ноздри – и видел не человеческое лицо, а злобную харю тролля-людоеда.

Странное полуощущение-полумысль вспыхнуло в его голове так мгновенно и сильно, что Каю на секунду стало трудно дышать. Вот она – та самая битва, настоящая битва, не вчерашнее смешное приключение с неуклюжим огром. Он защищает человека от опасной твари, и его руки сжимают оружие, и его голова легка, и нет дрожи в коленях.

Аскол заорал и бросился вперед.

Острое деревянное лезвие мелькнуло у лица Кая – он едва успел увернуться. У него было несколько мгновений, пока сын рыбака, рыча от злости, восстанавливал утраченное равновесие и разворачивался, и Кай не упустил их.

Раз – он присел на колено, с силой ткнув острием меча троллю под ребра. Когда тролль завыл и отшатнулся, два – удар по плечу наотмашь заставил злобную тварь выронить обломок меча и упасть на колени. Дальше было совсем просто. Не давая троллю подняться, Кай бил снова и снова, уже не особенно заботясь о том, куда попадет.

Троль надрывно закричал, прося пощады.

Кай отскочил назад. Вдруг он подумал о том, что совершенно забыл про остальных мальчишек. Неужели они не сообразили накинуться на него со спины всем скопом? Он оглянулся, но никого вокруг себя не увидел. Только Бин все еще лежал, скорчившись, в траве, да в нескольких шагах от Кая, обхватив руками голову, протяжно выл Аскол, сын рыб-

ника, выдувая носом зеленые пузыри.

Бин поднял голову. Лицо свое, окровавленное, он зажимал обеими руками, и между пальцев еще бежала кровь.

— Разбежались все,— неожиданно серьезно и хрипло проговорил Бин.

Кай минуту молчал, не зная, что говорить. Он еще раз посмотрел на Аскола. Троль исчез, как его и не было. Остался мальчишка, жалкий прыщавый Аскол, сын толстопузого рыбака Харла. И теперь это был вовсе не враг, а какое-то прыщавое недоразумение, недостойное удара мечом.

Кай вложил меч за веревочный пояс и, ощущая у бедра его надежную тяжесть, подошел к Бину и помог ему подняться.

— Больно? — спросил он.

— Сейчас не очень.— Бин, морщась, отвел руку от лица.— Только как-то горячо... Жжет. Посмотри, что там...

Лицо Бина было густо измазано кровью, глубокая кривая ссадина на левой щеке выглядела жутко: края вспоротой кожи побелели, в глубине виднелась запекшаяся чернота, а из уголка ссадины бежала тонкая струйка крови.

— Да ничего такого... — соврал, сглотнув, Кай.

— Шрам останется,— полуутвердительно проговорил Бин. Видимо, мысль о том, что у него появится настоящий боевой шрам, доставила ему удовольствие.

— Шрам останется — будь здоров,— подтвердил Кай.— Пошли отсюда. Надо подорожник найти или благоцвет. Приложить, чтоб кровь остановилась.

— И умыться,— вздохнул Бин.— Ох, от мамыши мне достанется!

— Да ладно,— пожал плечами Кай.— Ты ж не виноват. Пошли. Перси нас заждался.

Уходя, он еще раз оглянулся на того, кто был виноват. Аскол уже не был. Он лежал ничком в траве, и длинное тело его вздрагивало от сдерживаемых истерических рыданий.

* * *

До Перси Кай добрался в одиночестве. Покинув заросли у Дерьмовой Дыры, приятели умылись у колодца неподалеку от городского рынка в Ледяном Ключе, где вода была такой холодной, что нельзя было сделать два глотка подряд. У Ключа вечно толпились торговцы и прочие горожане с бабьями, ведрами и мехами, но Бин так жалко выглядел, что мальчишек пустили без очереди.

Лист подорожника, приложенный к раненой щеке, быстро унял кровотечение, но рана все равно смотрелась страшно. Потом Бин заявил об ужасном голоде, разыгравшемся, очевидно, вследствие переживаний, и предложил Каю заглянуть к нему домой, перехватить хотя бы краюху хлеба. «Мамаша все равно спит,— сказал Бин.— Она так рано никогда не просыпается»,— добавил он, глянув на солнце, которое уже клонилось к горизонту. Кай, вспомнив, что сегодня так и не успел позавтракать, предложение поддержал.

Но ожидание Бина не оправдалось. На его беду, мамаша не спала. Вообще-то Кай давно уже ее не видел (Бин никогда особо не приглашал в гости) и, разглядев сейчас, поразился: какая же все-таки красивая мамаша у Бина, прямо как графиня, а то и королева! Лицо белое-белое, губы красные-красные, платье такое пышное, что под подолом свиною с десятком поросят спрятать можно. Только руки, хоть и унизанные перстнями с громадными тусклыми камнями, крестьянские – темные, с узловатыми пальцами. Когда перед ней предстал раненый сын, она всполошилась и первым делом прокляла разбойника и душегуба Кая, втавившего Бина в ужасную драку, а вторым – пустила в ход тряпки и настойку благоцвета. Голова Бина мгновенно стала похожа на капустный кочан. Дальнейшие этапы лечения Кай наблюдать не стал. Он подхватился прочь, как только мамаша Бина отвлеклась от отпрыска и, очевидно вспомнив о непрошеном госте, обернулась к камину, у которого стояла массивная закопченная кочерга.

А с Перси даже поговорить не пришлось. На стук в окошко выглянула конопатая Тонка, – младшая сестренка Перси, и, ковыряя в носу, сообщила:

– А он отрубей обожрался, которые для индюка приготовили. Лежит, охает. Папка его драть хотел, а потом не стал. Сказал, что на Парад Ремесел его самого вместо индюка зарежет и зажарит. Жалко вообще-то... – серьезно добавила Тонка. – Перси хороший, он мне куклу из соломы сделал.

– Может, и не зажарит,– обнадежил девчушку Кай,– может, передумает...

Так и пришлось Каю возвращаться домой одному. Дома он застал дедушку Гура, который, проспав весь день, теперь ужинал (или, точнее сказать, завтракал) перед выходом в ночной караул. Хотя на столе снеди было точно в праздничный день – и жареная курятина, и пареная картошка, пересыпанная сочными корешками мясоеда, и кукурузная каша с чесночной подливкой,– дедушка ел без аппетита и недовольно бурчал под нос. Мол, чтоб хапуны уволокли этого премудрого господина Сули в огненные реки Темного Мира за то, что придумал этот проклятый караул. Толку с караула как с навозной мухи – людям только надоедать стуком колотушек, и больше ничего. Ведь как господин городской голова порешил: ночной караул покой горожан оберегать должен от воров и буйных пьяниц, а на деле что получается? Настоящих воров ловить – специальный навык нужен, а насчет буйных пьяниц, так некоторые из караульных любому выпивохе-буйну сто очков вперед дадут.

Взять того же проклятущего Гаса. Ну зачем этого никчемника в караул назначили? Явился он не проспавшись, кожаный шлем нацепил набекрень, а выданное копье волочил за собой, как беременная баба – метлу. И это еще полбеды. К полуночи сбежал в трактир и так там нажрался, что какого-то приبلудного кобеля принял за собственную козу и пы-

тался его подоить. Когда у него это по понятным причинам не получилось, Гас обиделся сразу на весь свет и решил выместить злобу на кузнеце Собе, которого с пьяных глаз перепутал с одноруким и колченогим городским нищим Стифом. Кузнец Соб единым могучим ударом положил конец заблуждениям Гаса и едва не положил конец самому Гасу...

Кай, уплетая кукурузную кашу, слушал дедушку Гура, и ему почему-то казалось, что дедушка говорит вовсе не то, что хочет сказать. Дедушка как-то странно посматривал на матушку, которая, непривычно возбужденная, металась от плиты к столу. То и дело принималась чистить метелкой и без того вычищенные комнаты и несколько раз вполголоса запевала одну песню, ту, что вчера вечером пел ей рыжий Корнелий: о славном рыцаре, у которого могущественный колдун похитил возлюбленную, и он (рыцарь то есть) дал с горя обет жениться на первой встречной. А встрети-лась ему уродливая нищенка, которая впоследствии и оказалась той самой возлюбленной, заколдованной, конечно, колдуном, потому что не ответила взаимностью на его порочную страсть. Запевала и тут же обрывала себя. Поев, дедушка взял с собой узелок с едой, направился к выходу, а на пороге остановился.

– Ну, Анна!...– проговорил он, сведя на переносице седые брови.– Ну смотри у меня!..

Матушка на это непонятное предупреждение только покраснела и опустила глаза. Впрочем, когда дедушка ушел,

она снова запела песню – уже в полный голос и нисколько не стесняясь.

«И чего дедушка злится? – подумал Кай, с полным живото́м направляясь во двор.– Хорошая же песня...»

Он взгрозился на плетень, высматривая в сгущающихся сумерках вертлявую фигуру менестреля и его громадного спутника-огра. Матушка тоже не единожды выходила на крыльцо.

– Кай! – звала она.– Сынок! Темно уже, пора спать ложиться!

Какое там – «ложиться»! Кай только фыркал в ответ, а матушка, как ни странно, не настаивала. Возвращалась в дом, с тем чтобы через четверть часа снова выглянуть и позвать.

«Неужто не придет? – забеспокоился Кай, когда уже совсем стемнело.– Обещал ведь!»

И только он так подумал, как вблизи раздались тяжелые шаги, и знакомый голос проговорил:

– Здесь, что ли? Ни хрена не помню... Эй, дружище Ххар! Хватит задницу чесать. Отсидел, что ли, за день, бездельник? Ну-ка глянь... Этот дом или какой другой?

– Этот! – закричал Кай, слетая с плетня.– Сюда, господин Корнелий, сюда!

Глава 3

Как того и следовало ожидать, Корнелий был уже крепко выпивши. Очевидно, он все-таки разыскал в городе таверну, хозяин которой не являлся таким скупердям, как толстозадый Горн, и в отличие от него следовал обычаям, по которым менестрель платит за выпивку исполнением песен и баллад.

Огр, устало рыкнув, опустился на землю и вытянул громадные ножищи. А рыжий Корнелий брякнулся на крыльцо и хлопнул по плечу Кая, немедленно присевшего рядом.

– Ну как дела, сэр Кай Гибельный Клинок? Скольким ограм сегодня удалось пронзить поганые сердца и прочие части тела? Вижу по глазам... – тут менестрель громко икнул, – что для десятка-другого злодеев этот день вряд ли может считаться счастливым. А?

Кай не успел ответить. Корнелий вдруг шумно втянул ноздрями воздуха, покрутил рыжей башкой и, наткнувшись взглядом на открытое окно, непонятно для мальчика рассмеялся:

– Ох уж эти кумушки! Всегда одно и то же... – и на мгновение сладко зажмурился.

«Какие еще кумушки? – внутренне удивился Кай. – Что-то матушка не показывается. Слышала же, что господин Корнелий пришел...»

Менестрель пошарил за пазухой и вытащил глиняную

фляжку.

– Дедушка ушел? – деловито осведомился он.

– Ага, – кивнул Кай.

– Ну, – поднял Корнелий фляжку. – Тогда за дедушку!

Выпив, он снова расслабленно икнул и откинулся на сту-
пеньки.

– Господин Корнелий! – вспомнил Кай вопрос, который так беспокоил его днем.

– Мм? – не открывая глаз, отозвался менестрель.

– Господин Корнелий, а в наши дни?

– Что «в наши дни», сэр Кай Непобедимый Истребитель
Чудовищ?

– Ну рыцари... Те, про которых в балладах поется, они в старину жили. А в наши дни? Неужели нет ни одного, о ком можно сложить балладу?

– Не-а... измелъчали нынче дворяне, – бездумно ответил Корнелий, потом открыл глаза, глянул в вытянувшееся лицо мальчика и усмехнулся: – То есть, конечно, есть. Как же им не быть. – Он поднял голову. – Орден Горных рыцарей, – проговорил таким тоном, будто сообщал само собой разумеющееся. – Неужто ты не слышал про Горных рыцарей?

– Н-нет...

– Неужто в вашей глуши и про Пороги уже забыли? – удивился менестрель.

– Пороги?.. – повторил мальчишка.

Про Пороги-то Кай слышал. Немного, но слышал. Похо-

же на сказки, да только это вовсе никакие не сказки. Будто есть такие места, где обычный мир – тот, в котором живут люди, гномы и всякие другие разумные существа, давно уже привыкшие и притершиеся друг к другу, – немного того... трескается. Ничего ведь вечного не бывает. И самый прочный камень дает трещину. А из той трещины, говорят, нет-нет да и пролезет какая-нибудь тварь из другого, неведомого мира. Может, из самого Темного Мира, где обитают демоны, а может, из такого места, которому даже названия нет на человеческом языке. Только говорят, что давно уже твари не показываются. Спокойно на Порогах, трещины мира затягиваются мхом времени...

– Спокойно? – поразился менестрель словам мальчика. – И кто же это говорит, интересно? Знаешь, если до вас не доходят вести с Порогов, это не значит, что там ничего не происходит. Это значит, что Орден рыцарей Порога делает свою работу. И хорошо ее делает! И Великий Договор Порогов до сих пор не забыт.

– А что это за Договор? – спросил Кай.

– Когда-то в незапамятные времена древние короли людей заключили Великий Договор Порогов, – охотно начал менестрель. – По этому Договору каждому правителю каждого государства надлежит лучших из лучших своих рыцарей отсылать в Крепости Порогов, да еще золота выделять для их содержания, на провизию да на оружие. И никакие распри, никакие войны не могут королям помешать исполнять этот

святой уговор. Так повелось испокон веков, так есть и поныне. Ну почти так... Да-а, Великий Договор Порогов!.. Давно это было. Так давно, что имена королей, заключивших Договор, стерлись из человеческой памяти. А может, и не было никаких королей,— Корнелий задумчиво поскреб свою рыжую шевелюру,— может, сам Светоносный открыл людям истину: чтобы выжить в этом мире, нужно держать проклятые Пороги на замке. Сомневаюсь я, что те короли, пусть самые мудрейшие и древнейшие, смогли додуматься до такого. Ну да ладно.— Менестрель криво усмехнулся.— Рано еще тебе об этом думать...

— Ничего не рано! — воскликнул Кай.— А где?.. Где эти Ордена?.. Ну где ихние замки?

— Крепости,— поправил Корнелий.— Крепости Порога. Где ж им быть?.. Где Пороги, там и Крепости... — Он еще отхлебнул из своей фляжки добрый глоток и прокашлялся: — В далеких Скалистых горах,— неожиданно певуче заговорил менестрель, словно начиная очередную балладу,— до которых от вашего городка недели три конного пути, в месте, называемом Перевалом, стоит неприступная Горная Крепость, куда его величество Ганелон посылает самых лучших своих рыцарей, чтобы несли они тяжкую, но почетную службу...

— Ты же говорил, что рыцари всех королевств съезжаются в Орден Порогов? — напомнил Кай.

Корнелий хмыкнул:

— Говорил. Говорил, что рано тебе об этом еще... Не пой-

мешь.

– Почему это не пойму? – обиделся Кай.

– Потому что... Договор договором, а Горный Порог находится в пределах нашего королевства. И Магистр Ордена Горной Крепости клялся в верности его величеству Ганелону. А уж как выгодно распорядиться иноземными воинами и их золотом, его величество знает превосходно... – Тут Корнелий осекся и настороженно огляделся по сторонам, будто испугался, что кто-то его подслушает. Потом шмыгнул носом, состроил комично-ужасную гримасу и завел замогильным голосом: – Так вот, в далеких Скалистых горах стоит неприступная Горная Крепость, рыцари которой защищают мир людей от диковинных и жутких тварей, время от времени показывающихся из-за Порога. Говорят, рыцари сражаются там со страшными драконами, самый маленький из которых ростом с городскую колокольню.

– Двухголовыми? – тихо спросил Кай.

– Двухголовыми, – прокашлявшись, подтвердил менестрель обычным своим голосом, – а также трехголовыми, четырехголовыми и даже пятиголовыми. Великая честь – вступить в Горный Орден... – Корнелий продолжал, глядя не на мальчика, а куда-то в темное небо: – Я сам видел на воротах дворца его величества Ганелона драконьи клыки. Даже жутко подумать, что на самом деле на свете существуют такие чудовища! Одни клыки... вот примерно с тебя размером. А есть и такие, что и ростом со взрослого мужчину будут. Так-

то вот, сэр Кай Громоподобный и Молниеносный. А рыцари Порога перед вступлением в Орден дают особую клятву, в которой обещают служить не только его величеству и защищать не только его величество, но – все человечество!

Корнелий замолчал. Кай тоже помолчал, переваривая сложное слово.

– А баллады? – спустя минуту шепнул мальчик.

– Что?

– Баллады про Горный Орден вы знаете, господин Корнелий?

– Баллады-то? – переспросил менестрель и задумчиво почесал безволосый подбородок. – Баллады-то знаю. Только исполнять их не хочется.

На это Кай даже и не нашелся что ответить.

– Да не поймешь ты... – пожевав губами, отмахнулся Корнелий. – То, что складывают про подвиги рыцарей Порога, не баллады вовсе, а... придворные песнопения. Слова там все мертвые. Потому что служба на Порогах – не героические приключения, а тяжелая работа. Опасная, почетная... но все же работа. Ладно... – Рыжий менестрель коротко хохотнул. – Считай, поговорили. А ты, сэр Кай Любознательный, – вдруг спросил он, – что, намылился на королевскую службу подаваться?

– Да! – неожиданно для себя выпалил Кай. – Я – как папенька.

Корнелий фыркнул:

– И сейчас, наверное, думаешь, что Горный Орден – это то, что нужно?

Кай покраснел. Он еще не успел об этом подумать. Но в словах менестреля он услышал явственную насмешку.

– Думаешь, там все так же красиво будет, как в древних балладах поется? Там смерть, сэр Кай Простодушный! Там такие чудовища, от одного вида которых тебя карачун хватит, – продолжал Корнелий.

Кай возмущенно вскинулся, но Корнелий не дал ему разразиться гневной речью о том, что он совершенно не боится, что он-то как раз и готов, и хочет...

– А... ты разве дворянин? – усмехнулся менестрель.

Кай гулко захлопнул рот, не понимая, в чем дело.

– То-то и оно-то... – вздохнул Корнелий. – Пройти службу в Горной Крепости – это великая честь для всех знатных ратников нашего королевства! Простолюдинам там делать нечего. А вот Северная Крепость – другое дело. – Он прервался, чтобы отпить из фляжки. – Еще одна Крепость стоит на берегу Вьюжного моря. Слышал о таком?

Кай помотал головой.

– Потому что далеко, вот и не слышал. Там Северная Крепость стоит, а в ней Орден Крепости Северного Порога располагается. Побережье Вьюжного моря принадлежит Утурку – Королевству Ледяных Островов. Только тамошним жителям самим бы прокормиться, не то что Крепость Порога содержать. Почти круглый год морозная темень, бураны,

снег выше головы, а где нет снега – лед и камень. Грабежом морских судов живут люди Утурку. Поэтому самое большое, что может выделить ихний король, – это пару вооруженных дрянными топорами воинов. И кто ж им, разбойникам, рыцарей и золото поставлять будет? Вот его величество Ганелон, как правитель ближайшего к Утурку государства, припасами и рыцарями для Северной Крепости и распоряжается. Говорят, рыцари Гаэлона в Северный Орден не очень-то и стремятся. Твари, с которыми там приходится иметь дело, еще пострашнее драконов. Громадные черви с панцирями из древнего черного льда, который не может пробить ни один меч, и только летнее солнце способно растопить. Да... Только лета в тех краях не бывает... туда-то его величество иноземных рыцарей и отправляет. А тем куда деваться? На чужбине особо не повозмущаешься, да и Договор надо соблюдать. А Магистр Северной Крепости нашему государю по гроб жизни обязан – через Гаэлон ему провизия и пополнение идут. Еще я слышал, в гарнизоне Северной Крепости не все рыцари знатного происхождения. Есть и простые ратники, которые доблестью своей стараются заслужить дворянский титул. Так вот что я скажу тебе...

Что хотел менестрель сообщить Каю, так и осталось неизвестным, потому что на крыльце вдруг появилась матушка и, глядя на мальчика из-под руки, проговорила:

– Куда ты запропастился, сынок? Ужин давно на столе, а тебя все нет...

Кай аж рот раскрыл. Какой ужин? Он ведь уже поужинал с бабушкой. То – «ложиться пора», то – «ужин на столе»?.. Непонятное что-то такое с бабушкой творится последнее время.

– Господин Корнелий, и вы здесь? – всплеснула руками бабушка. – Проходите в дом, мы как раз за стол садимся...

– С превеликим удовольствием, сударыня! – вскочил на ноги менестрель и отвесил учтивый поклон.

Встал и Ххар.

– Сынок, сбегал бы за вином, – обратилась снова бабушка к Каю.

– Это дело! – обрадовался Корнелий.

– Ладно, – буркнул Кай, которому вообще-то не хотелось никуда бегать. Хорошо, что трактир в двух шагах.

– Знаешь ведь, где Старк-винодел живет? – продолжала бабушка.

– Старк?! – воскликнул Кай. – Ну, ма-ам!..

Где находится увитый виноградной лозой до самой крыши дом Старка-винодела, он, конечно, знал. Приходилось туда ходить – нечасто, только по большим праздникам. Это тебе не трактир Горна. Старк жил на другом конце городка. Пока туда, да пока обратно... вернешься – бабушка точно спать уложит. Какие тогда баллады?! Да и про Горный и Северный Ордена расспросить еще надо...

– Не хочу я! – заупрямился Кай. – У Горна что, вина нет?

– Темноты испугался? – засмеялся Корнелий. – Эх ты, сэр

Кай Боязливый. Я с тобой Ххара отправлю. С ним небось поспокойнее будет.

– Ххара? – разинул рот Кай и с сомнением посмотрел на громадного огра. – А он меня слушаться будет?

– А то, – кивнул Корнелий. – Как меня самого. Только не вздумай ему вина давать. А ты... – повысил голос менестрель и посмотрел на огра. – Не вздумай клянчить!

Огр рыкнул что-то и обиженно засопел.

– Вот и хорошо, сынок, – ласково улыбнулась матушка.

– В путь, сэр Кай Молниеносный! – потрясая кулаками, напутствовал рыжий Корнелий. – Да хранит тебя Светоносный в нелегком твоём путешествии, да не затупится меч, да не дрогнет рука... и не прольет ни капли...

* * *

Досада Кая улетучилась скоро. Шагать по темным городским улицам в сопровождении здоровяка-огра оказалось делом веселым. Первый же из встретившихся ему прохожих с громким воплем кинулся на близлежащее дерево и исчез в густой кроне со скоростью, которой позавидовал бы иной кот. Реакция второго была прямо противоположной. Сапожник Брад, после трудов праведных совершавший вечернюю прогулку в обнимку со здоровенной глиняной бутылкой, завидев Ххара, замер, будто окаменев.

– Да вы, господин Брад, не обращайтесь на него внимания, –

важно заявил сапожнику Кай.— Он совсем ручной. Без моего приказания шагу не сделает.

Сапожник ничего не ответил, видимо, не в силах пошевелить онемевшей челюстью, и Кай с огром двинулись дальше.

Проходя мимо большого двухэтажного дома рыбака Харла, мальчик чуть притормозил, борясь с искушением постучать в окошко. Вот было бы здорово, если б выглянул не какой-нибудь слуга, а Харл собственной персоной или — еще лучше — его отпрыск Аскол и увидел бы перед собой клыкастую морду огра. Хотя с Аскола, пожалуй, уже хватит...

Время было уже позднее, и больше никто им по пути не встретился. Впрочем, у самого дома Старка мимо огра и мальчика промчался какой-то шальной незнакомец. Задышавшись на бегу и размахивая руками, он пробежал, кажется даже не заметив их. Зато Ххар этого странного незнакомца почувствовал заранее. За несколько мгновений до того, как Кай услышал торопливый перестук шагов по мостовой, огр вдруг остановился и, напружинив шею, стал напряженно втягивать ноздрями сырой ночной воздух. Уши его зашевелились, на плечах и спине заходили под толстой серой кожей могучие мышцы. Когда незнакомец скрылся во тьме, огр еще некоторое время не двигался, то ли вслушиваясь во что-то, то ли к чему-то принюхиваясь.

— Ты чего? — спросил его Кай.— Эй, дружище Ххар, пошли скорее, а то до утра провозимся... Дружище Ххар!

Огр низко и приглушенно зарычал. Потом вздрогнул и,

опустив башку, посмотрел на мальчика.

– Все нормально,– успокоил его Кай.– Какой-то псих. Пошли.

Ххар повиновался. Но через несколько шагов остановился опять. Где-то далеко завyla собака. Ей тут же отозвалась другая. Кто-то, наверное улицы за три-четыре от Кая, прокричал что-то тревожное. Крик взлетел в темное небо и рассыпался меж звезд.

Тут уж остановился и Кай.

Что-то неладное происходило в городе – ясно понял он в ту же минуту. Вроде зарева нигде не было видно и запаха гари не чувствовалось, но жуткое ощущение большой опасности, какое бывает, когда наблюдаешь бушующий пожар, разгоралось с каждой минутой. Кай недоуменно посмотрел на огра. Ххар снова зарычал и затоптался на одном месте. Потом вдруг опустил лапищу и снял с пояса боевой топор.

И тотчас гулко загудел городской набат.

Это могло означать только одно – налет.

* * *

Сам по себе налет не нес большой опасности. Обычное дело: кто-то из сиятельных особ, обитающих неподалеку, вдруг решил, что ему неохота выплачивать жалование своим воинам, они ведь воины – вот и пусть добывают золото мечом. Так уж повелось в королевстве Гаэлон, да и во всех других

королевствах: дворяне, владения которых соседствуют, общаются между собой отнюдь не посредством дружеских визитов, а наоборот: норовят грызнуть друг друга. Наверное, оттого, что внешних врагов у Гаэлона нет, не с кем королевству тягаться, а оружие не должно ржаветь, и сиятельные брюхи не должны затягиваться жиром. И государь в подобные распри никогда не вмешивается. Потому как не полагается. Не по законам Гаэлона, а по рыцарскому кодексу, который, между прочим, превышает всяких законов.

О подобных пунктах рыцарского кодекса Кай никогда не задумывался. Он четко знал одно: случись налет, где бы мальчик в тот момент ни оказался, он должен немедленно мчаться домой и вместе с матушкой прятаться в погреб. Налет редко когда продолжается больше нескольких часов, и вряд ли налетчики за это время решат покуситься на их домик, совсем не выглядящий так, будто в нем живут состоятельные люди. Другое дело – дом рыбака Харла или кого-нибудь еще из городских богачей.

Знал Кай и еще кое-что: матушка ни за что не пойдет в погреб без него. Она будет искать его по всему городу, пока не найдет. А молодым женщинам на улицах во время налета показываться ни в ком случае не стоит – на этот счет немало поганных историй ходило. Да и детям, особенно девочкам, – тоже. Об этом также часто предупреждали.

Поэтому, когда ночное небо раскатилось и лопнуло набатым громом и губы Кая прошептали: «Налет», в голове мальчика запрыгало одно слово — «матушка».

Не думая больше ни о чем, он рванул по улице обратно к дому, а следом за ним покатилась раздувшаяся ватым шаром пугающая тишина. Только выли, шмыгая тут и там, ошалелые собаки, небо стонало городским набатом, да изредка где-нибудь близко вспыхивал чей-то обезумевший вопль, и железным горохом по мостовой то тише, то громче стучали копыта коней налетчиков. Деревянный меч колотил Кая по ногам, но некогда было отцепить и выбросить бесполезное теперь оружие.

Вот вылетели из-за угла и пронеслись мимо трое всадников с развевающимися черными плащами за спинами, пронеслись, едва не затоптав Кая,— и затоптали бы, как мышонка, если б он не прижался к стене случайного дома. У одного из всадников в руках был факел. Пламя развевалось, словно флаг, и длинным шлейфом летели искры вслед за лохматыми языками.

Только тогда мальчишка догадался нырнуть в проулок.

Он неся, ломая кусты, оскальзываясь на мокрой от ночной росы траве, то и дело теряя из-под ног ту самую тропинку, на которой так недавно солнечным ярким утром они с

Бином устраивали засаду на вредоносного Аскола.

Еще немного осталось, еще совсем чуть-чуть. Сейчас выбежать на улицу, там будет двухэтажный домина Харла-рыбника, а оттуда уже рукой подать... Кабы Корнелий догадался удержать матушку дома! Все-таки Кай же не один, с ним огр Ххар, нечего ей на улицу выбегать.

Мальчик оглянулся и чуть не упал. Он на мгновение даже остановился. А где же Ххар?! Когда и где он потерял огра? «Неважно,— тут же мотнул головой Кай.— Домой, скорее домой...»

Кровь стучала в ушах, сливаясь с ударами городского набата, поэтому он и не слышал шума впереди.

Дом рыбника, грузно возвышавшийся над прочими зданиями улицы, брали приступом.

Массивная дверь, у которой возились два воина в темных одеждах без доспехов, трещала под тяжелыми ударами топоров. Рядом с этой парой танцевал, нелепо перебирая длинными ногами, долговязый детина, одетый только в короткие холщовые штаны да короткий черный плащ, скомканный вокруг шеи. Детина удерживал обеими руками большой башенный щит над нападавшими. Шесть длинных арбалетных стрел торчали из щита, а седьмая — из затылка воина, неподвижно лежавшего поодаль. В чердачном окошке маячило чье-то совершенно белое лицо над тупым рылом арбалета. В одном из окон первого этажа дома Харла мерцали красные отблески — наверное, туда бросили факел, изо всех

других окон летели протяжные перепуганные стоны. Троица всадников, чуть не затоптавшая Кая, гарцевала в стороне. Видимо, всадники колебались – присоединиться к штурму или поискать более легкую добычу.

«Не останавливаться,— сказал сам себе Кай, чей кратчайший путь домой лежал мимо осажденного дома,— и не смотреть на них...»

Сам сказал, и сам не смог удержаться от того, чтобы не глянуть на всадников. И всадники заметили его. Один – крепкий длиннорукий мужик в сияющем панцире, надетом поверх плотной кожаной куртки,— даже свистнул и захмылялся, уцепившись взглядом за мальчишку. Он что-то крикнул раззявленным желтозубым ртом, но его товарищ, на чьем шлеме устрашающе торчали бычьи рога, злобно на него ощерился и, размахнувшись, звонко шлепнул открытой ладонью по панцирю. Кай, зажмурившись, бросился обратно, не рискуя пересечь улицу у дома рыбака. Он только успел услышать, как жалобно хрустнула, расколовшись, дверь и как радостно заревели нападавшие...

Оказавшись в кустах, он упал – не потому что споткнулся, а просто ноги отказались держать его. Лежа на земле, мокрый от росы, Кай неожиданно для себя всхлипнул. Он попытался встать – это получилось у него не с первого раза. Он поднялся и вдруг услышал приближающиеся шаги, это «кто-то» торопливо пробирался к нему со стороны мостовой. Несколько раз хрустнули ветви, обломанные грубой ру-

кой. Кай поспешно опустил на корточки. Сверкнул огонь сквозь густой и высокий кустарник, заблестели красным и желтым отражения языков пламени на листьях.

Кай затаил дыхание, когда увидел прямо перед собой того самого желтозубого воина в кирасе. Оружия в его руках не было, только подожженная палка. Воин тяжело дышал, хотя через кустарник пробирался совсем недолго. Остановившись, он затоптался, далеко в стороны выставляя руку с импровизированным факелом. Огонь плескал на начищенную кирасу брызги кровавого света и на секунду осветил его лицо, остроскулое и тонконосое. Если бы воин догадался посветить себе под ноги, наверняка заметил бы Кая.

— Ну где ты, птичка?.. — сквозь зубы вдруг проговорил желтозубый и свободной рукой зачем-то закопошился под кирасой.

Чувствуя, что еще один шаг — и воин наткнется на него, Кай, как мог неслышно, опустил на четвереньки и чуть подвинулся назад. Сломанная ветка, попав под его ногу, хрустнула. Воин вздрогнул и взмахнул факелом.

— Вот ты где! — громко и свободно сказал он и резко выдернул руку из-под кирасы.

Свесились и затрепыхались, как две обезглавленные змейки, кожаные шнурки, штаны воина с легким шорохом съехали вниз, обнажив нелепо забелевшие в темноте ноги. Не понимая ничего, Кай замер, съезжившись в комок.

И тут же знакомая пещерная вонь накрыла его густым облаком. Желтозубый, подняв удивленные глаза куда-то за спину Кая, вдруг изменился в лице и дико заорал. А потом что-то чудовищной птицей метнулось над головой Кая – и голова воина взорвалась снопом красных капель.

* * *

Кай никогда не думал, что огры обладают способностью незаметно подкрадываться. Он всегда считал этих существ безмозглыми, грубыми и неотесанными дикарями, которые и знать не знают, что такое тактика, и которых искусный воин может искрошить добрый десяток, не особенно напрягаясь.

Когда воин с раскроенной головой мешком повалился навзничь, Ххар быстро вздернул мальчика за шиворот на ноги и легко толкнул в сторону. А сам, даже не вытерев окровавленный топор, напролом через кусты зашагал к мостовой. Прямо навстречу встревоженным воплем товарища грабителям.

– Не туда! – крикнул Кай и тут же осекся, поняв, что Ххар попросту отвлекает на себя врагов. Потому что хозяин приказал ему охранять мальчика и потому что слово хозяина – закон.

Ярко пылало окно дома Харла, и в этом тревожном лоскутном свете на мостовой перед домом рыбака винтом закрутилась яростная схватка. На огра бросились сразу трое.

Первый, не ожидавший лицом к лицу столкнуться с громадным чудовищем, опешил только на мгновение, и этого мига огру хватило, чтобы могучим ударом топора наискось развалить ему грудную клетку от основания шеи до живота. Двое других закружились вокруг Ххара, выставив перед собой мечи, стараясь держать безопасную дистанцию. Один из них несколько раз замысловато свистнул, очевидно подавая какой-то сигнал. Огр зарычал и, перехватив топор, снял с пояса тяжелый и грубый нож...

Дальше Кай не стал смотреть. Будто очнувшись, он поднялся и пошел, раскачиваясь на ослабевших ногах. Бежать никак не получалось. Неожиданно перед мальчиком вырос глухой забор. Ударившись об него, Кай упал. Снова встал и побрел вдоль забора, который, как он помнил, должен вывести был его на улицу, чуть дальше дома рыбака. В голове у мальчика мутилось. То, что происходило вокруг, представлялось сплошным, вязким ночным кошмаром, и выбраться из него можно, только проснувшись. Но как это всегда бывает во сне, желаемое пробуждение все не приходило. Мальчик обессиленно брел вдоль забора и остановился, когда забор закончился. Осталось пересечь опасную мостовую, пробежать не больше сотни шагов – и он окажется дома.

Ступив на улицу, Кай не удержался и оглянулся. Мечущихся в неровном огненном свете теней стало больше – должно быть, к дому Харла подтянулось подкрепление. Но, судя по звону стали и воинственным выкрикам, огр еще дер-

жался. Набат по-прежнему гудел над городом, и теперь отовсюду неслись вопли перепуганных горожан и пересвист грабителей.

Вдруг что-то оглушительно треснуло внутри жилища рыбака, и крыша двухэтажного дома внезапно вспыхнула, будто облитая горючей жидкостью. На мостовой перед домом Харла стало светло как днем.

Кай увидел гарцующих коней, рвущихся прочь от пожара. Какой-то человек, голый по пояс, размахивая руками, в каждой из которых было зажато по длинному ножу, бегал от коня к коню, собирая их в кучу подальше от огня, не давая разбежаться. Увидел, как пятеро или шестеро грабителей насакивают на огромного огра, словно псы на медведя, как Ххар, отчаянно отбивается топором и ножом, уже не успевая делать выпады. Вот меч одного из ночных налетчиков полоснул огра по груди – Ххар отпрянул, и копье с зазубренным наконечником глубоко вошло ему в спину. Человек, ударивший его копьем, быстро и сильно налег на древко, обломив копье так, чтоб наконечник остался в теле. Ххар упал на одно колено, но сумел раскрутить над головой топор, отпугнув сунувшихся к нему было врагов. Через минуту он поднялся, но снова упал на колени, когда еще одно копье ударило его в бок...

Собрав последние силы, Кай побежал. Огонь освещал ему путь, бросая под ноги изломанную тень. Он не заметил, как из кипящей схватки вынырнул низкорослый воин в тусклой

кольчуге и рогатом шлеме – тот самый, что злобно щерился на убитого Ххаром желтозубого, и устремился за ним следом.

* * *

Матушка стояла на пороге. Увидев Кая, она сдавленно вскрикнула и бросилась к сыну. Мальчик прижался ней, не понимая, почему она тут же принялась отдирать его от себя, стремясь запрокинуть его лицо, почему дрожащими пальцами она ощупывает ему голову и отчего под ее пальцами так скользко и горячо.

– Больно? Больно?..– повторяла матушка.

Только заметив кровь на ее ладонях, Кай сообразил, в чем дело.

– Я не ранен! – заговорил он и сам поразился тому, как тонок его голос.– Это... не моя...

– Скорее! – послышалось из дома.

Матушка вздрогнула и потащила Кая в дом, в темную глупину комнат, где маячило совершенно белое лицо рыжего менестреля. Только когда захлопнулась дверь и вспыхнул масляный светильник, Корнелий больно схватил мальчика за руку и хрипло выкрикнул:

– Ххар?!

Ответить Кай не смог. Горло его вдруг стиснули горькие спазмы, а из глаз сами собой брызнули слезы. Корнелий от-

пустил его руку и замотал головой.

– Чтоб им всем... – скрипуче выговорил он.

Светильник, который он держал в руке, осветил стол с остатками покинутого ужина, инструмент на скамье и откинутую крышку погреба.

– Туда, – прерывисто дыша, сказал менестрель. – Быстрее!

– Давай, сынок... – подтолкнула матушка Кая.

Дверь с треском распахнулась. Маятная гарь уличного пожара, расцвеченная мутными огненными всполохами, ворвалась в комнату. Светильник выпал из рук Корнелия, разлился жидким пламенем по полу.

– С-сучье отродье!... – упершись взглядом в Кая, прошипел воин в рогатом шлеме и шагнул со двора в дом.

Масло на полу разгоралось сильнее. В свете огня матово отливала кольчуга воина, языки пламени, стремительно росшие к потолку, озарили оскаленное лицо воина багровыми отблесками. Кай похолодел – ему вдруг показалось, что это убитый желтозубый вошел в его дом. Нет... они просто похожи: воин в рогатом шлеме и тот, кто сейчас с разрубленной головой валялся в кустах у дома рыбака Харла. Очень похожи – острые скулы, тонкий нос, напоминающий птичий клюв... Только воин, который стоял сейчас перед мальчиком, много старше.

– Сучье отродье! – хрипло повторил воин и, подняв на уровень груди короткий и тяжелый меч, пошел прямо на Кая.

Корнелий отшатнулся назад таким судорожным движе-

ем, что с грохотом опрокинул стол. Матушка, вскрикнув, кинулась наперерез грабителю, а он, не глядя, отмахнулся от нее безоружной рукой. Матушка отлетела к стене.

Кай словно врос в пол. Страшная, невиданная им раньше ярость кривила лицо рогатого. Никто и никогда не смотрел так на мальчика. В узких глазах ночного налетчика клубилась черная муть убийства.

Пронзительно закричала матушка, и этот крик вывел Кая из плена оторопи. Он отпрыгнул назад – как раз в тот момент, когда рогатый, примерившись, размахнулся мечом. Матушка снова бросилась на врага и получила еще один удар. На этот раз гораздо сильнее предыдущего. Удар опрокинул ее на пол. Он закашлялась, замычала, плюя кровью. Путаясь в юбках, она пыталась подняться, но снова валилась, не в силах устоять на ногах.

Кай оглянулся.

Рыжий менестрель, выпучив глаза, как лягушка, распластался на полу рядом с опрокинутым столом. Полувздохи-полустоны слетали с его белых губ. Господин Корнелий был перепуган до смерти.

Не отдавая себе отчета в действиях, привычным движением Кай выхватил из-за пояса деревянный меч. Налетчик не засмеялся. С той же гримасой ярости, застывшей на лице, он отследил траекторию появления оружия и снова шагнул вперед. Кай сделал прямой выпад. Он не думал, что его неуклюжий удар повредит врагу. Скорее всего, он вообще ни

о чем не думал. Просто безмысленно подчинился отчаянию боя, охватившего его с того момента, как он обнажил свое оружие. Рогатый легко отразил выпад, перерубив деревянный меч у самого перекрестья. Кай выпустил из рук обломок. Стук деревяшки об пол отрезвил его. Вскрикнув, мальчик подался назад. Хрупкий полый предмет лопнул под его ногами, протяжно и тоскливо запели, лопаясь, струны. Кай упал, ударился затылком и тут же увидел над собой стальную молнию гибельного замаха. И тогда снова закричала матушка, в третий раз бросаясь на воина. Она кошкой вцепилась в его руку – там, где кончался кольчужный рукав, не давая мечу опуститься на уготованную цель.

Рогатый завыл, кружась на одном месте, стараясь стряхнуть с себя намертво прилипшую женщину. В борьбе он потерял меч, со звоном полетевший ему под ноги, но очень скоро вновь овладел положением. Удерживая на правой руке матушку, тянущуюся к его горлу, левой он начал бить ее по голове – не так, как бьют слабую женщину, а как бьют равного по силе мужчину.

Стоны, крики, потрескивание пламени и тяжкие удары обрели в сознании Кая материальные очертания. Как паутиной эти жуткие звуки опутали его, на время погрузив в мутное небытие. Словно сквозь толщу воды видел помертвевший мальчик, как рогатый воин отдирает от себя уже почти потерявшую сознание матушку. Как откуда-то сбоку, дико вереща, отгоняя собственным визгом смертельный страх,

падает на дерущихся рыжий менестрель. Как клубок тел, извиваясь, катится по полу, сминая языки пламени, дальше, дальше – и наконец выпадает из поля зрения.

* * *

Омертвение прошло настолько, что у Кая получилось повернуть голову. Через минуту он даже поднялся на ноги. Темнота душевной комнаты хранила безмолвную неподвижность, только кое-где еще тлело дерево пола. Привыкшие к сумраку глаза различили белый силуэт у стены. «Матушка...» – понял Кай. словно отвечая на его немой зов, она пошевелилась и застонала. Мальчик доковылял до матери, упал на колени и приник к теплому телу. Дрожащие руки неожиданно крепко стиснули его. И, тотчас ослабнув, опали.

– Живой, живой... – прошептала матушка.

«Все кончилось... – уверял себя Кай, больше всего сейчас боявшийся, что тишина снова нарушится криками боли и насилия, – все уже кончилось...»

Хриплый стон заставил его поднять голову и повернуться.

«Корнелий», – вспомнил Кай.

Даже не пытаясь встать, он пополз на звук. На середине пути под его ладонями лязгнул меч, испачканный чем-то густым, липким и холодным. Потом Кай наткнулся на тело, облаченное в металл кольчуги. В этом теле не было жизни, оно было остывающим тяжелым куском плоти – и это чувство-

валось с первого прикосновения. Кай даже не вскрикнул. Он нисколько не испугался. Напротив, испытал чувство, похожее на радость. Враг мертв! Его больше не стоит опасаться. Мальчик услышал еще один стон и сменил направление.

Почти сразу же он увидел белеющее в темноте лицо менестреля. Несколькими секундами позже руки его нащупали податливое тело, облепленное пропитанной кровью одеждой. Корнелий что-то шептал в перерывах между стонами. Так тихо шептал, что мальчик вынужден был наклониться к самому его лицу, чтобы расслышать.

– С ней все в порядке... – проговорил рыжий, и Кай понял, что Корнелий видит его. – Она... ей надо отдохнуть... – Он натужно закашлялся, обдав лицо мальчика горячими мельчайшими брызгами. – Прямо в живот... – откашлявшись, как-то совсем по-детски пожаловался менестрель.

– Больно? – выговорил Кай.

– Нет... уже нет. Холодно. И пить хочется...

Мальчик дернулся, но менестрель неожиданно схватил его за руку ледяными мокрыми пальцами:

– Не надо... Останься...

Минуту он молчал. Потом заговорил снова:

– Я ведь... никогда не дрался... Никогда в жизни... Смешно... С самого детства прославлял чужие подвиги, а сам... ни разу не брал в руки меч... до сегодняшней ночи... А как ты... я... деревянной палкой... против стального клинка...

Корнелий снова закашлялся. Когда он заговорил, шепот его звучал хрипло и низко.

— ...потому что это был мой путь,— менестрель продолжал свою мысль, начало которой не прорвалось наружу из его сознания.— У тебя... другой... Я вижу... Теперь вижу... Большой путь... Великий... — Он опять закашлялся и кашлял долго.— ...Воин... — договорил менестрель свое последнее слово.

В темноте Кай не мог различить его взгляда, но чувствовал, что Корнелий смотрит на него, смотрит как-то особо, должно быть, потому, что рыжему менестрелю, как и всем обреченным, за мгновения до смерти открылась истина.

Поняв, что Корнелий больше не скажет ничего, Кай пополз обратно к матери, которая уже шевелилась, шурша одеждой. Но не дополз. На середине комнаты он потерял сознание.

* * *

С громким петушиным пением в городок Мари пришло утро нового дня. Горожане подсчитывали потери. Шесть домов, включая большой каменный дом рыбака Харла, в разной степени пострадали от огня. Более четырех десятков домов оказалось разграблено. Шестнадцать человек, пятеро из которых были стражниками, а трое — ночными караульными, погибло в стычках. Еще несколько десятков горожан были

избиты или ранены. Нападавшие забрали с собой трупы своих товарищей. Кроме одного. Того, что нашли в доме гончара Гура. Труп воина в рогатом шлеме опознали. Он оказался ратником гарнизона герцога Халима, о чем городской голова господин Сули не замедлил сообщить своему властелину графу Конраду.

Спустя две недели после налета Конрад отправился к владениям герцога с большим отрядом воинов...

Впрочем, ничего этого Кай так и не узнал. Наутро стража принесла в их дом исколотое мечами тело дедушки Гура. Через день стражники вернулись и забрали тело. Старого гончара Гура, как и прочих погибших в ту злосчастную ночь, отцы города похоронили за счет казны графа Конрада на городском кладбище.

Пережитое отозвалось Каю. Три дня он пролежал в бреду. Не видел, как хоронили дедушку, не слышал, как приходили к нему друзья – Бин и Перси. А через пять дней после похорон матушка, едва оправившись от ран, продала осиротевший дом, откопала кошель с серебром, спрятанный в огороде, наняла повозку, и они с Каем навсегда покинули городок Мари.

Часть вторая

Лысые холмы

Глава 1

В Лесном Чертоге Алмазного Дома, в Поющей Башне Хрустального Дворца, принц Орелий Танцующий-На-Языках-Агатowego-Пламени давал бал.

Посреди громадного зала, стены которого подпирали изваяния из красного янтаря, а с потолка, настолько высокого, что его вовсе не было видно в дымке солнечной пыли, свисали серебряные цепи со спящими птицами Тиу, кружился человек в одежде из золотой паутины, переливающейся множеством цветов. Человек был тучен, плешив и немолод. Заходя на очередной поворот, он неловко взмахивал руками; выкидывая замысловатое коленце, надувал щеки и натужно пыхтел, но все же старательно вел диковинный узор древнего эльфийского танца, неимоверными усилиями изученного в течение тысячи периодов бодрствования, поступательно прерываемых тысячью периодами сна. Человек помнил, что его имя – Барлим. Помнил он и то, что когда-то его называли наследным принцем королевства Марборн, но сколько прошло лет (а быть может, веков... или недель?..) с того време-

ни, он и сам сказать бы не смог.

Сложнейшими переливами звенела мелодия в сверкающей бальной зале Поющей Башни – так могут звучать не видимые человеческому глазу струны водяных нитей, когда их касается белый луч полной луны или трепещущие от дуновений южного предутреннего ветерка нежные лепестки пурпурной росянки, расцветающей на одно лишь мгновение в свете последней ночной звезды.

Птицы Тиу время от времени сонно встряхивали хохлатыми головами, и тогда золотые отблески от их сияющих перьев скользили по залу радужным пламенем, выхватывая из серебряного сумрака неподвижные фигуры, возлежавшие вдоль стен на тонконогих скамьях с причудливо изогнутыми спинками. Позы лежащих на скамьях были непринужденно небрежны, но вместе с тем исполнены неуловимого изящества. Лица их скрывали маски из блестящего металла, украшенные драгоценными камнями, и одежда из золотой паутины безмолвно вспыхивала под отблесками сияющих перьев Тиу.

Барлим танцевал в одиночестве, обливаясь потом. Мысли, такие же несуразные и неловкие, как он сам, обгоняя друг друга, подпрыгивали в его голове.

«Смотрят... – думал престарелый принц, налитым кровью глазом поглядывая на возлежавших вдоль стен.– Наверняка восхищаются, но не спешат изумленными восклицаниями прерывать мое искусное выступление!.. Вот же деликат-

ный народ эти эльфы! А чего это я один пляшу? Вроде давно уж остальные танцоры должны присоединиться... Не хотят мешать. Вот же ж деликатный народ! Да так оно и лучше будет – Офликсивия, моя Офликсивия, теперь смотрит лишь на меня одного! Не зря я столько времени потратил на изучение этого идиотского... Ох, сердце прямо к горлу подкатывает, дышать трудно... этого, будь он проклят, ... или как она бишь там прозывается, эта ихняя пляска?.. Где вот только она, моя нежная Офликсивия? Пес их разберет с этими масками!.. Где она, моя голубушка? Небось глаз от меня оторвать не может, слова не в состоянии вымолвить... Великие боги, как же я люблю ее! И какое же счастье понимать, что и она меня любит!..»

Продолжая машинально вести древний танец, Барлим вдруг упал в пучину воспоминаний (надо сказать, что в последнее время такое с ним случалось нечасто). И то верно, до воспоминаний ли было ему здесь, подле своей прекрасной возлюбленной, в тайном эльфийском Чертоге, куда смертным открывается вход лишь раз в столетие и только по воле хозяев. До того как попасть в Лесной Чертог Алмазного Дома, Барлим прожил ровно пятьдесят три года в королевском дворце Уиндрома, столице славного королевства Марборн.

Отец Барлима, его величество король Марборна Марлион Бессмертный, несмотря на свои семьдесят пять лет, старикан был крепкий и помирать, кажется, вовсе не собирался. Каждое утро он начинал с омолаживающей ванны, травы для

которой покупались в далеком горном княжестве Истариин, нередко выезжал в густые марборнийские леса охотиться на вепря, да еще имел привычку каждые два года брать себе в жены принцесс из близлежащих княжеств. Отчего-то жены Марлиона, проведя год-полтора в королевском дворце, чахли и умирали. Может быть, причиной тому было дурное здоровье монарших избранниц, а может быть, тоска по родине. Но как считал Барлим, скорее всего – ветреный нрав Марлиона Бессмертного и искусство преданных его величеству королевских магов, коими повелитель Марборна, одержимый идеей вечной жизни, был окружен с юности.

Самого Барлима венценосный папаша никогда не расценивал в качестве наследника на престол, видимо всерьез полагая, что жить будет если не вечно, то, по крайней мере, лет двести. Именно поэтому с детства наследный принц был предоставлен самому себе. Пирьы, балы, охота, попойки с придворными приятелями, ночные вылазки в трущобы Уиндрома, славившегося своими публичными домами, куда девочек поставляли со всего света, – вот, пожалуй, полный список всех государственных дел, которыми был обременен Барлим.

Военному искусству, науке дипломатии, магическим навыкам и ораторскому мастерству принц не обучался никогда. Лишь когда Барлиму стукнуло пятьдесят три, Марлион решил-таки вывести отпрыска на политическое поприще, а именно: обязал его предложить руку и сердце дочери короля

Гаэлона Литии. Королевство Гаэлон располагалось всего в трех днях конного пути от Марборна – неприступные скалистые горы разделяли два государства, и, чтобы добраться из одного королевства в другое, надо было долго петлять объездными горными тропами. Это обстоятельство и оказалось спасительным для прадеда Марлиона – Хагбена Грозного – сто шестьдесят лет назад, когда грянула большая война между Гаэлоном и Марборном.

В те времена война велась по всем правилам. Послы Хагбена Грозного явились в Дарбион, зачитали вековую формулу ультиматума, в котором, учтиво именуя короля Гаэлона шелудивым псом, милостиво предложили ему сложить с себя королевский сан, признав повелителем Гаэлона Хагбена Грозного.

Король Гаэлона, придерживаясь рыцарского этикета, закатил пир, на котором отклонил предложение, вызвав безмозглого ублюдка Хагбена (так по правилам полагалось величать бросившего вызов) со всей его армией на бой на предгорную Ривенстальскую равнину.

После пира послы, основательно похмелившись, отбыли на родину. И в назначенное время на Ривенстальской равнине грянула битва. Хагбен Грозный был оттеснен к скалам, лишился правого глаза и едва не лишился всего войска. Только чудом удалось ему уйти от преследователей тайными горными тропами. Две недели Хагбен в Уиндроме зализывал раны, а затем со скал спустилось войско королевства Гаэлон.

Нечего было Хагбену противопоставить врагу, поэтому гаэлоняне неспешно добрались до Уиндрома, грабя и сжигая попадавшиеся по пути города и селения. Осада Уиндрома продолжалась недолго. Хагбен Грозный, которого уже тогда стали называть Хагбеном Одноглазым, во избежание полного разрушения столицы пустил гаэлонян в город, своевременно обезопасив себя и городских жителей подписанием мирного договора, в котором обязался выплатить контрибуцию в размере трехсот тысяч золотых монет. Сумма даже в те времена не поражала размерами; поэтому Хагбен единственным своим глазом посмотрел сквозь пальцы на то, что гаэлоняне все-таки малость пограбили Уиндром, пожгли несколько десятков домов, зарубили полсотни мужчин, а сотню-другую девушек и женщин лишили чести.

Так закончилась война. Время шло, ширился и креп оправившийся от ран Марборн, но Гаэлон все же оставался более могущественным королевством. И спустя более чем полтора десятилетия лет Марлион решил снова попытаться завоевать опасного соседа. Но методами не своего прадеда, а собственными.

У короля Ганелона в далеком Дарбионском дворце родилась дочь Лития. Девочке исполнилось три года, когда правитель Марборна прислал ее отцу с послами драгоценные дары и письменные заверения в дружбе между государствами. Послы приезжали в Дарбион каждые полгода, и такие визиты стали для короля Ганелона доброй традицией. А когда

Литии стукнуло шесть, вместе с дарами его величество Ганелон получил огромный портрет наследного принца Марборна Барлима. К портрету прилагались письмо и придворный менестрель, вдохновенно прочитавший это самое письмо под нежный перебор струн девочке, которая в тот момент была более увлечена исследованием полости собственного носа, чем прослушиванием послания.

Его величество Ганелон сказал: «Хм...» – и удалился на совещание с министрами.

Есть основания полагать, что министры королевского двора Гаэлона пришли примерно к такому же соглашению, как и министры королевского двора Марборна. Если объединить могущества двух государств, тогда соединенному королевству не будет равных среди прочих королевств, коими являются: Орабия, Линдерштейн, Крафия и еще шесть королевств помельче. А уж тогда и рукой подать до создания Великой Империи, правителем которой будет... Ну тут мнения министров Гаэлона и министров Марборна, надо думать, несколько разнились.

И его величество Ганелон молвил: «Что ж, пусть будет так».

Через короткое время в Дарбион прибыл с многочисленной свитой сиятельный жених, и состоялась помолвка шестилетней принцессы Литии и пятидесятитрехлетнего принца Барлима. Оставалось подождать лишь семь лет, пока Лития не ступит в возраст, достаточный для свершения таин-

ства брака.

Но спустя два года, в ночь древнего праздника лунного равноденствия, в Уиндром явились эльфы...

Давно не видели среди людей представителей Высокого Народа. С самой Великой Войны, когда эльфы вдруг покинули свои тайные Чертоги и ни с того ни с сего обрушились мощью своей древней магии на людские города и поселения. Жестока была Великая Война. Эльфов было куда меньше, чем людей, но все же армия каждого отдельного королевства уступала по численности эльфийским войскам, не говоря о том, что боевой мощи эльфов люди почти ничего не могли противопоставить. Вzbунтовались некоторые племена гномов, доселе живших с людьми в мире и согласии, и встали на сторону Высокого Народа.

Воины эльфов появились в разных концах света одновременно. Четыре армии, вырезая целые провинции, сжигая города, двинулись с севера и юга, с востока и запада к центру обжитых людьми территорий – к землям, на которых позже возникло славное королевство Гаэлон. Эльфы не вели никаких переговоров, не вступали с правителями королевств и княжеств в соглашения и не брали пленных. Они шли, убивая. Небо чернело от горгулий, на которых восседали эльфийские лучники; вой громадных серебряных волков-скакунов повергал в ужас людей, и целые армии бежали от отрядов эльфийских всадников.

Наконец наступило время, когда людям уже некуда было

бежать. Люди сражались отчаянно, но гибли сотнями, окруженные со всех сторон, пока не осталось их меньше тысячи, лучших из лучших, последних – воителей и магов. Они укрылись в последнем замке, опоясав его дополнительными стенами и башнями, укрепив его мощной магией, и нарекли Цитаделью Надежды.

Когда армии эльфов подошли к стенам Цитадели, грянула битва, длившаяся несколько месяцев. Велики были отчаяние и ярость последних защитников человечества, и, как говорят, родилась из этого особая магия, способная противостоять древней магии Высокого Народа. И разбились о стены Цитадели Надежды силы эльфов, дрогнули их отряды и подались в бегство. Тогда покинули воины Цитадель и пошли вослед за эльфами, поднимая по дороге остатки поверженной человеческой расы. Не щадили люди эльфов, как эльфы не щадили их.

Те воины Высокого Народа, что избегли смерти, навсегда скрылись в тайных своих Чертогах. Те же, что не успели, были безжалостно истреблены. И исчез Высокий Народ с глаз людей. Немногочисленные эльфийские города, которые стояли рядом с городами людей до Великой Войны, сровняли с землей, потопили эльфийский флот – чудесные корабли, способные бежать против течения и против ветра, сожгли библиотеки с удивительными поющими книгами, созданные мастерами-эльфами... И воцарилось на земле царство Человека.

Так гласила легенда о Великой Войне и Цитадели Надежды.

Века прошли со времен Великой Войны, и снова стали появляться эльфы среди людей. Но приходили они уже без оружия и, сожалея о произошедшем, приносили людям богатые дары. Человеческий век короток, и не многим длиннее память людей. Были дары Высокого Народа столь щедры, что правители королевств принимали эльфов, не обнажая против них мечей. Тем более что взамен эльфы ничего не требовали и даже оказывали избранным честь: уводили их с собой в свои Чертоги, даруя им вечную жизнь в наслаждениях и забавах...

Барлим, кружащийся сейчас в танце посреди бального зала Поющей Башни Хрустального Дворца, почти не помнил, как во дворце его отца появились эльфы. Память о тех днях стерлась в его сознании, и это не было удивительным. Ведь с той самой первой секунды, когда он увидел красавицу Офликсивию, Барлим уже ничего не замечал вокруг.

О Офликсивия! Золотые локоны падают на хрупкие плечи; личико чистой и благородной голубоватой бледности поражает не только красотой, но и внутренним светом ума. Длинные ресницы льют на щеки нежные тени, а глаза – синие-синие, такие синие, что можно подумать, будто не бывает таких в действительности. А линии лица очерчены так тонко и естественно-идеально, что обычай смертных краса-

виц мазать рожу помадами и румянами, чтобы подчеркнуть достоинства внешности, представляется чем-то невыразимо глупым и грубым, вроде огрских ритуалов.

О Офликсивия! Барлим был готов убить любого, кто кинет на эльфийку неподобающий взгляд, но, к счастью, Высокий Народ столь учтив и галантен, что ни у кого из смертных (а тем более знатного рода) не возникло и мысли проявить при общении с ними хотя бы нотку неуважения. А то мгновение, когда милая Офликсивия после бесчисленного количества преподнесенных ей стихов и спетых баллад (пришлось раскошелиться на придворных стихоплетов и менестрелей) наконец открыла ему свои объятия и, пав принцу Барлиму на грудь, призналась в ответных чувствах... Как Барлим тогда не сошел с ума от счастья – непонятно.

И сейчас, танцуя в просторной зале, освещенной сияющими золотыми перьями птиц Тиу, он не уставал радоваться своей удаче. Она любит! Красавица Офликсивия, милая Офликсивия – любит его, наследного принца Барлима. Пусть он немолод и некрасив, но она – любит! Иначе зачем ей звать его с собой в Лесной Чертог Алмазного Дома? Он здесь, чтобы они были вместе навсегда... Эльфы даруют ему вечную жизнь и молодость и неисчислимые богатства. Вот-вот, со дня на день, ждал Барлим церемонии бракосочетания, которая, как утверждает его любимая, уже готовится. А потом... Что будет потом, когда они станут мужем и женой!

Вот удивительно: помимо мыслей о несравненно счастли-

вом будущем Барлима частенько (особенно когда он оставался один) посещали и кое-какие другие. Должно быть, папаша Марлион зря не видел в отпрыске даровитого политика. «На что мне сдалась эта соплюшка Лития? – размышлял, подустав от восторгов по поводу возлюбленной, наследный принц.– Подумаешь, родство с династией Ганелонов... Что могут дать мне и моему королевству эти вшивые гаэлоняне? Да еще, не ровен час, ихний король затеет интриги и будет подминать под себя нашу династию, налегая на то, что казна у него чуть поболее нашей. А брак со знатной эльфийкой открывает передо мной широко-okie перспективы! Ведь люди до сих пор побаиваются Высокого Народа. И богатств у эльфов не счесть, и магия их гораздо сильнее той, что обладают люди. Вот женюсь и вернусь к себе в Марборн! И тогда-то уж вознесется мое королевство над всеми другими, и преклонят колени правители близлежащих королевств – сначала они, а потом и венценосные особы дальних земель...»

Принц Орелий Танцующий-На-Языках-Агатового-Пламени оторвался от поющей книги, нашептывающей ему древние баллады о былых славных событиях иного мира – мира, откуда пришел в эту землю его народ, – бросил невнимательный взгляд на тучного старика, что, задыхаясь, кривлялся в центре зала, и обратился к своей сестре, Офликсии:

– Он еще не надоел тебе?

– Он бесподобен, – улыбнулась принцесса. – Глупость, по-

множенная на тщеславие, и неистовая страсть дают забавное сочетание. К тому же... – Она беззвучно рассмеялась. – Неужели ты забыл, как он ест? Порой я не могу проглотить и кусочка – так смешно мне бывает сидеть подле него на пирах.

– Не тебе одной, – улыбнулся Орелий. – Но все же... Твой избранник, сестра, чересчур уродлив даже для человека. Его присутствие в моем Дворце оскорбительно для многих из придворных.

– Ты забыл свою протее? – парировала, пожав плечиками, Офликсивия. – Ту, что ты привел четыреста лет назад? Вот уж действительно была потеха! Какие невероятно чудовищные одеяния сооружали наши мастера под ее руководством. И как смешна она была, уверенная в том, что выглядит в них восхитительно.

Она снова звонко рассмеялась под своей маской. Не удержался от смеха и принц.

– Мне кажется, пора прекращать представление, – сказал Орелий. – Аликсиандрию, что сидит напротив меня, скоро станет плохо от смеха. Да и твой... как бишь его... что-то совсем неважно выглядит. Он красен, как глаз крылатого тельца, и давно хватает ртом воздух, которого ему явно не хватает.

– Еще немного, братец, – попросила Офликсивия, – он справился с дыханием-нерожденной-стрекозы и переходит к кружению-белого-луча-в-ясную-морозную ночь. Я хочу ви-

деть, как у него получится кружение-белого-луча!

– В танце тридцать четыре коленца,— напомнил принц Орелий.— Он преодолел шесть, и я более чем уверен, что с девятым ему ни за что не справиться. Он просто сломает себе позвоночник и вывихнет ноги.

– Ну я прошу тебя!..

– Хорошо,— согласился Орелий и опустил руку, которую протянул было к крупному алмазу на стене над своей головой.— Но только кружение-белого-луча-в-ясную-морозную-ночь!

Барлим, как того требовал ход танца, высоко подпрыгнул, выбросив вверх руки. Приземлиться на колени ему не удалось — он тяжело рухнул на пузо, больно ушибив ладони. Со второй попытки поднявшись, наследный принц королевства Марборн крутнулся вокруг своей оси. Бальный зал, заполненный золотыми отблесками перьев птиц Тиу, поплыл перед его глазами. В висках тяжело застучала кровь. Сердце, бешено бившееся от недостатка кислорода, треснуло мгновенной острой болью. Барлим издал гортанный стон и упал.

Но снова поднялся и, шатаясь, попытался утвердиться на носке одной ноги, вытянувшись кверху в струну. Нога подломилась, и он опять оказался на полу. Зрение его то меркло, то вспыхивало вновь.

– Уже совсем не смешно,— вздохнула под маской Офликсивия.— Пожалуй, пора заканчивать.

Орелий кивнул и коснулся сияющего алмаза. Музыка тот-

час угасла, как гаснет от легкого дуновения пламя свечи.

Барлим барахтался на полу, выложенном восьмиугольными плитами прозрачного мрамора, искусно инкрустированными крупными ярко-зелеными бриллиантами. Музыкальный ритм, придававший ему сил, пропал, и он вдруг со страшной силой ощутил всю усталость, которой пропиталось его дряблое тело. Мышцы наследного принца свело, в голове заledenело, руки и ноги сделались безжизненными, будто тряпки, а сердце, пару раз сильно трепыхнувшись, остановилось.

– Офликси... – мокрым ртом провыл Барлим и дернулся в судороге.

Когда же конвульсии отпустили его, жизненной энергии хватило лишь на то, чтобы договорить имя возлюбленной.

– ...вия! – хрипло гукнул Барлим и вытянулся на полу.

Глава 2

Извилистая Лиска была вообще холодной речкой, а уж на Валунах вода ее становилась совсем ледяной. Это все из-за ундин. Скользкие безмолвные полурыбы-полулюди жили ниже по течению в подводных пещерах. Говорят, они специально отваливали донные камни, освобождая родники, чтобы люди пореже совались в места их обитания. Настоящие ундины – вовсе не зеленоволосые красавицы из сказок, которые непременно в тебя влюбятся, наградят даром дышать под водой и уведут к своему папаше – речному князю, настоящие ундины – они другие. Они, как знающие люди говорят, похожи на морских змей, только с лапками на передней части туловища и с почти человеческими лицами, но вооруженными мощной пастью, утыканной острыми и прозрачными, как стекло, зубами. Вот эти твари недавно утащили у Кривого Яна лошадь. Да и самого бы Яна уволокли, если бы тот вовремя не прочухался от пьяного сна и не задал деру. А Ян – мужик здоровенный, не то что Кай, которому в его почти одиннадцать лет и десяти никто не даст.

Холодный весенний день быстро пропитывался вечерним сумраком. Кай вытащил удочку, мельком глянул на крючок, на котором болтался осклизлый комок наживки, и снова закинул лесу в воду. Что-то плеснуло и зашуршало дальше по берегу, в зарослях камыша. Кай мгновенно вскочил, схватив

лежащую рядом палку с отточенным и обожженным на костре наконечником. Крадучись, он прошел несколько шагов по направлению к предполагаемому источнику шума. Дойдя до камышей, стеной возвышавшихся над ним, он опустил-ся на корточки, стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь стебли. Это не могла быть рыба – какая рыба гуляет по камышам? Да и шум был явно произведен существом гораздо крупнее местных рыбешек. И это не мог быть человек – после той истории с Кривым Яном никто из Лысых Холмов в этом месте реки, на Валунах, не осмеливался появляться.

Плеск, сопровождаемый шуршанием, повторился – на этот раз он звучал явственней и громче. Кай крепко стиснул свою палку. Неужели на самом деле ундина? Так близко к берегу – это было бы большой удачей!.. Снова плеск, будто кто-то с силой шлепнул по поверхности воды чем-то плоским. «Наверное, хвостом, – подумал Кай, почти уверенный, что ему удалось наткнуться на настоящую ундину. – И здоровый, должно быть, хвост...» На мгновение в его груди похолодело, но, рассердившись на себя за этот испуг, он прогнал холод. «Это всего лишь ундина. В Северной Крепости рыцари сражаются с чудовищами гораздо страшнее каких-то паршивых ундин! Если ты хочешь быть достойным службы в Ордене рыцарей Порога, страху не место в твоём сердце. Иди смело!.. Тварь не видит тебя, иначе она не стала бы плескаться так открыто...»

Кай медленно продвигался вперед, шаг за шагом погру-

жаясь в заросли камыша. Он старался не шуметь и замирал всякий раз, когда до него долетал какой-нибудь посторонний звук.

Что-то большое и темное мелькнуло впереди. Кай поднял палку, как копье, и, уже не скрываясь, рванулся вперед.

Чудище с пронзительным визгом шарахнулось прочь от него, но не в воду, а к берегу. Сообразив перерезать ему путь, мальчик побежал не следом, а напрямик к твердой земле. Выскочив на берег, Кай, перемазанный по пояс в черной грязи, взмахнул палкой, готовясь метнуть ее в спасающегося бегством врага. Он даже открыл рот для воинственного вскрика, но на замахе рука его вдруг ослабла.

– Тьфу ты! – вслух ругнулся Кай, увидев удирающего к прибрежным ивам громадного бобра. Последний раз мощный хвост животного мелькнул меж камней и пропал.

Кай вернулся к тому месту, где провел последние несколько часов. Собрал удочку, связал ее с палкой лесой и закинул на плечо. Нет тут, наверное, никаких ундин. Должно быть, врал Кривой Ян. С него станется. Свел, поди, свою клячу в город, обменял на мех крепкого вина да, возвращаясь, придумал сказку про страшных тварей, едва не лишивших его жизни...

Размышляя таким образом, мальчик поднялся на высокий речной берег, откуда открывался вид на широкую долину, залитую сейчас, точно кровью, густым светом заходящего солнца. Багрово отливали песчаные, лишенные расти-

тельности вершины пологих холмов, меж которых тут и там поблескивали вечерние огоньки деревенских хижин.

Лысые Холмы – так называлось это место. Лысыми Холмами называли местные и деревушку. С южной стороны жидким огнем под лучами заката сияло Круглое озеро, рядом расстиралось кукурузное поле. А с севера громадной шкурой чудовищного животного темнел лес. За этим лесом, как знал Кай, где-то далеко на севере стоял и городок Мари.

Там по-прежнему живут Бин и Перси. Может быть, они все еще бегают по узким городским улицам с деревянными мечами, разя придуманных врагов, а может быть, играют в какие-то новые игры. Там, в Мари, наверное, все так же бурлит шумливый рынок, толкутся у Ледяного Ключа горожане, а Дерьмовая Дыра до сих пор заставляет людей, оказавшихся поблизости, морщить носы. Все так же поют песни в городских харчевнях и трактирах, мерно расхаживают по мостовой стражники, звеня кольчугами, а господин Гас, вероятно, как и раньше, раз в неделю с воем бегают по улицам, преследуемый собственной женой, вооруженной каминными щипцами и орущей, что «проклятый пьянчуга на этот раз точно доведет ее до смертоубийства». Господин городской голова в жаркие августовские дни принимает на Алой площади Парад Ремесел, раскидывая в толпу медные монеты, и грохочут барабаны под свист труб и крики горожан, и ветерок треплет цветочные гирлянды, украшающие несуразную статую графини Мари, и ярко сверкает солнце на «алых головах», ко-

торами вымощена площадь. И конечно, каждый летний вечер узкие улочки тонут в дурманном тумане цветущего благоцвета...

Может быть, это не так, но сейчас Кай был убежден, что Мари – лучший город во всем Гаэлоне, жители Мари добрее, трудолюбивее и веселее, чем где бы там ни было.

* * *

Кай на минуту задержался на высоком берегу Лиски. Вот уже год, как они с матушкой живут в Лысых Холмах. Здесь все совсем не так, как городе. Добротных каменных или деревянных домов нет ни одного, только низкие хижины, построенные точно наспех. Ни за что не поверишь, что в таких лачугах люди живут по несколько десятков лет.

Деревенские все крикливые и неопрятные. Никто никаких ремесел здесь не знает, кроме, пожалуй, кузнеца Танка да Хила-скорняка. Масло сбить, огород вскопать, овец постричь, землю киркой поковырять и тому подобная ерунда – разве ж это ремесло? Это любой сможет. Одежду – простецкие рубахи да штаны – в Лысых Холмах шьют старухи, а что посложнее – куртки или обувь – приобретают у бродячих торговцев. Торговцы же снабжают деревенских и кое-какой утварью, хотя, казалось бы, под берегами Лиски полным-полно красной глины – чего стоит слепить и обжечь горшки и миски?..

Зимой здесь вообще не работают, только шляются из хижин в хижину, пьют крепкий кукурузный самогон и точат ляды. А с наступлением теплых дней долбят кирками и мотыгами каменистую землю на кукурузных полях и таскают туда противную солоноватую воду из Круглого озера. Уходят на поля еще затемно, а возвращаются в полдень, когда начинается печь солнце, и после полудня до самых сумерек уже не показываются за пределами собственных огородов, кое-как прикрытых кривыми плетнями. В каждом дворе квохчет, гогочет, блеет или хрюкает живность, такая же грязная и вонючая, как ее хозяйева.

Деревенские жадны до денег. И хотя у многих припрятаны горшки с медью и серебром, редко кто позволит себе потратить паршивую медную монетку. С торговцами расплачиваются яйцами, маслом, тушками домашней птицы, шкурами, выделанными у Хила, и кукурузной мукой.

Есть, правда, харчевня. «Золотая кобыла» называется. Хороший деревянный двухэтажный дом с крытым двором, конюшней и сараями. Но харчевня располагается в получасе ходьбы от деревни, на большой проезжей дороге, и деревенские появляются там редко. Что им там делать, если вина и пива в Лысых Холмах не пьют, потому что за него надо платить монетами, а самогон варит каждый второй?

Хозяин харчевни Жирный Карл хоть и местный, но выглядит совсем не как деревенский. Когда тепло, он ходит в белой полотняной рубаше, свободных красных штанах и высо-

ких сапогах, словно какой-нибудь граф, а в холода надевает длинный красный камзол. Широкополую шляпу с красными же петушиными перьями он не снимает с лысой головы круглый год. Жирный Карл, наверное, самый большой богач в Лысых Холмах. Сравняться с ним может разве что господин Марал, деревенский староста, дюжий бородатый мужик.

Господин Марал живет вроде бы в деревне, но как бы и нет, потому что дом его располагается на самом отшибе, под большим холмом. На холме мельница стоит. Кроме мельницы Марал имеет еще собственное кукурузное поле, несколько коров, конюшню и целое стадо коз. И зимой, и летом староста носит косматую куртку из шкуры черного барана, поэтому очень похож на могучего лесного медведя.

Еще одним влиятельным лицом в деревне является мудрейший Наги, жрец богини плодородия Нэлы, очень почитаемой в Лысых Холмах, как, наверное, и во всех деревнях. Говорят, что он – мудрейший, хотя доказательств его мудрости Кай никогда не слышал. Зато видел самого Наги – полуслепого и почти глухого старикашку, вечно завернутого с головы до ног в темный плащ. Жрец редко покидает свой храм – единственное каменное сооружение в округе, похожее на дурно построенную сторожевую башню. Но монеты, по крайней мере, у него точно водятся.

В первое воскресенье каждого месяца деревенские носят ему подношения: мясо, рыбу и кукурузные лепешки. В первое воскресенье каждого месяца над храмом Нэлы курится

черный дым – это богиня вкушает дары смертных. Конечно, мудрейший Наги не все принесенные дары сжигает. Большую часть продуктов забирает Жирный Карл, а взамен отсылает жрецу кошель медных монеток. Так уж принято.

Если Жирного Карла, особенно когда он на вороном жеребце выезжает в деревню по своим делам, легко перепутать с какой-нибудь сиятельной особой, то господина Симона, графского мытаря, тоже проживающего в Лысых Холмах, нипочем не отличишь от обычного нищего. Вот уж кто был бы богатейшим человеком в деревне, если б не страсть к выпивке и природная неряшливость. Одевается Симон как попало, в такое рваньё, которое не каждый деревенский на себя нацепит, чтобы, например, скотный двор почистить. Неизменно поддатый, он праздно шляется по деревне или сидит за кружкой пива в «Золотой кобыле».

Отношение к нему двойственное. С одной стороны, его здорово боятся и в глаза и за глаза иначе как «господином» не величают, потому что, какой бы он ни был пьянчуга и бездельник, все-таки он – человек, непосредственно самому его сиятельству графу Конраду служащий. Да еще когда-то при графском дворе жил конюхом и время от времени такими мудреными словами говорит, что его даже Жирный Карл понять не в силах. А с другой стороны, могут и поколотить Симона, когда он напивается так, что наутро вряд ли вспомнит происхождение синяков и ссадин.

А праздников в деревне много, больше, чем в городе.

Только какие-то все невеселые и самому Каю малопонятные. То затеют в Лысых Холмах ловить кошек и собак да сжигать их близ кладбища в просмоленных мешках, а сквозь дым гонять домашний скот – считается, что такой дым предотвращает болезни животных. То возьмутся ночью с громким пением особых песен закидывать кукурузные поля фруктами и овощами, что родятся на деревьях и грядках почернелыми и скукоженными и которые весь год для такого случая собирают. Говорят, это чтобы умиловать Злого Сеятеля – черного духа, портящего урожай. То жгут на холмах вокруг деревни семь костров, отгоняя невидимых глазу смертных Красных Птиц, духов большого пожара... В день праздника и еще день после праздника никто, конечно, не работает – пьют самогон, поют песни да частенько дерутся.

Так живут Лысые Холмы. Так же – больше года – живут и Кай с матушкой. Скучно здесь Каю, куда как хуже, чем в городе. Но он твердо знает, что жить ему тут осталось только три года.

Через три года стукнет ему четырнадцать лет, будет он считаться мужчиной и получит право выбирать любое занятие или ремесло, какое пожелает или на каком родные настают. Кай уверен, что ни крестьянином, ни мастеровым человеком он не будет. Не прельщает его и торговое дело. Он уже давно решил, что посвятит свою жизнь одним ратным подвигам.

Сколько раз в мечтах мальчика вставала Северная Кре-

пость – неприступная громада из серого камня под серым, всегда сумрачным холодным небом. Занесенная злым снегом, возвышается она на горной вершине над таинственным Вьюжным морем, над ледниками и снежными западнями. Далеко до нее добираться, сложно и опасно, но все же туда ходят караваны, доставляющие провизию рыцарям Ордена Северного Порога. А как доберется Кай до Крепости, уж никто его оттуда, мужчину, не прогонит. Не достанет меча, так будет поначалу огонь разжигать или оружие чистить или хотя бы комнаты мести – мало ли дел найдется. А уж в том, что представится случай проявить себя, заработать место в строю Ордена, Кай не сомневается. Не может быть иначе, раз он не мыслит себя никем, кроме как рыцарем, защищающим людей от неведомых чудищ из-за страшного Порога.

Только вот матушку жалко оставлять. Чужая она здесь, в Лысых Холмах, это Кай понимает.

Он не очень хорошо помнит первые дни в деревне. Он тогда еще был слишком слаб, чтобы выходить на улицу, поэтому несколько дней провел в хижине дедушки Лара и Бабани, никуда не выходя. Бабаня – это старуха Лара, ее все так в деревне называют. Она круглая, перемотанная тряпьем с ног до головы. Позже Кай узнал, что это тряпье служит ей одеждой и зимой, и летом. И лицо у нее круглое, совсем без морщин, а глазки маленькие, так что не поймешь сразу, злая она или добрая.

Спервоначалу-то Каю показалось, что она добрая. Да и

сам Лар, заросший седыми волосами, костистый и худой, похожий на старое сухое дерево, покрытое белым мхом,— тоже ничего. Когда они ехали в деревню, матушка говорила Каю, что Лар и его старуха им родня. Не настоящая (Лар приходится отцом дочери сводной сестры дедушки Гура или что-то вроде того), но ближе никого нет, поэтому вести себя с ними надо как с самыми что ни на есть родными людьми. Да и старики приняли их радушно. Каю Бабаня сразу уступила свое спальное место — узкую и длинную скамью, тянущуюся вдоль всей стены хижины, а сама перебралась на лежанку в углу у двери. В тот первый день угощали только кукурузными лепешками да водой, потому как больше ничего в хижине не было. Матушка хотела пойти в харчевню купить что-нибудь еще из еды, но Бабаня ей не разрешила. Взяла монетки у матушки, сходила сама, вернулась с немалым мешком снеди, да еще привела троих деревенских с собой.

За столом сидели долго. Кай, в голове которого все еще кроваво шумело, несколько раз засыпал и просыпался на узкой скамье, а застолье все продолжалось. Говорила все больше Бабаня, резковато, звонко и быстро, словно сыпала сухой горох в жестяную миску, да шумливо вскрикивали гости. А Лар почти и не говорил, но когда раскрывал рот — темный провал в чащобе густой пегой растительности,— гости уважительно замолкали.

Помнит еще Кай, как к нему подсаживались гости, подуставшие от застольных разговоров и от этих разговоров

такие задушевно расслабленные. Лучше других он запомнил тощего мужичонку в продранной на локтях рубашке с длинной, почти прозрачной светлой бороденкой. Мужичонка, раскачиваясь взад-вперед на корточках у скамьи, будто его голова была налита свинцом, неприятным тонко-режущим голосом косноязычно втолковывал мальчику о том, какие хорошие люди дедушка Лар и Бабаня, о том, как в Лысых Холмах их уважают и почитают за справных хозяев.

– Понимать надо! – вещал мужичонка, кивая тяжелой головой. – Это ж... не каждый так... Было три мешка кукурузы, так? Так. А Сухорукий Бад коз своих почему продавал? Вот, то-то оно и есть... А Лар-то, он не того... Не промах Лар-то. Сколько он раз к Сухорукому ходил? Ага!.. Понимать надо! Тот прямо ни в какую! За два мешка, говорит, кошку у меня возьми, а козу не того... А Лар-то что? Он-то ведь не это самое... А вот как старуха у Сухорукого занемогла, так тот и заюлил... Сам к Лару прибежал, мол, бери за два. А Лар-то что? Он не таков, Лар-то, не промах! Сам виноват, гад сухорукий, надо было сразу соглашаться. А теперь: где два, там и полтора, а где полтора, там и один... Понимать надо! Ух и вредные они – Сухорукий со своей старухой, вот еще увидишь. Никто у нас их не любит. А твои-то! У нас так в деревне говорят: Лару и Бабане в рот палец не ложи... Никто и не ложит. Понимать надо! Люди с головой! А кур сколько у Бабани?.. Ага! За ними смотреть надо?.. Так. На поле ходить?.. А дом посмотри какой! А?.. Прямо как у Карла

харчевня, только поменьше. Во. Понимать надо!..

Не зная, как отвязаться от этого надоеды, Кай, в голове которого шумело и перекачивалось бесконечное «понимать надо», бормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.